

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ ИСТОРИЯ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ИСКУССТВЪ, ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Томъ III.

Контора журнала помѣщается:
на Вас. Остр. 5 лин., д. № 10, кв. 2.

20 марта 1877 г.

Цена за годъ, съ пересылкою, 10 р.
Въ отдѣльной продажѣ за номеръ 30 к.

№ 12.

Изъ альбома Т. Горшельта.

Переноска раненаго на Кавказѣ.

ВЪГУНКИ.

Глава XV.

Праздникъ.

Деревенскій праздникъ—великое событіе; еще за недѣлю до праздника подымается бѣготня и хлопоты.—Бабы изъ дома въ домъ перебѣгаютъ, ищутъ дрожжей, корчагъ и всякого кухоннаго скарбу, спрашиваютъ у сосѣдокъ совѣта, какъ растворить тѣсто и стряпать разныя похлебки. Мужики собираются въ артели варить пиво, собираютъ посуду: чаны, ушаты, котлы, другіе отправляются за покупками, или ловить рыбу. Вся деревня на ногахъ.

Ярко пылали костры на берегу рѣки Сяси кругомъ ихъ рисовались фигуры людей, освѣщаемыя красноватыми отблесками отъ огней, картина была оживленная,—фигуры передвигались, какъ китайскія тѣни отъ волшебнаго фонаря. То вдругъ подымется исполнская фигура и клонится къ землѣ, то обрисуется огромный ушатъ и исчезнетъ во мракѣ, или покажется длинный шестъ надъ огнемъ, за нимъ рука, за рукою выставится полная фигура человѣка и вдругъ исчезнетъ, останется только одинъ котелъ подъ костромъ, нависшій темною массою. Шумъ, разговоръ и крикъ ребятишекъ, которые то и дѣло снуютъ между народомъ и отъ деревни къ берегу, а съ берега снова въ деревню.

Степанъ переходилъ отъ костра къ костру, его вездѣ подчивали теплымъ сусломъ и усердно просили откушать: но не сусло нужно было Степану, онъ искалъ Авдотью, удобнѣе не было случая повидаться наединѣ. Онъ былъ увѣренъ, что Авдотья должна была придти къ тому костру, гдѣ ея деверь былъ въ артели. Дѣйствительно скоро Авдотья явилась: но она такъ занялась дѣломъ и отвѣдываніемъ сусла, что нельзя было ожидать, чтобы скоро отстала отъ костра. Степанъ ушелъ въ тѣнь, чтобы его не было видно и присѣлъ на камень. Надо было имѣть большое терпѣніе, чтобы хорошій русскій часъ прождать на одномъ мѣстѣ, не сводя глазъ съ костра, потому что какъ только отходилъ отъ костра человѣкъ, шаговъ на десять, исчезалъ во мракѣ и нельзя было его замѣтить и даже слышать шаговъ; шумъ покрывалъ все, а мягкій песокъ и трава скрадывали всякій звукъ, который раздастся отъ поступи человѣка на твердомъ грунтѣ. Но терпѣніе все преодолеваетъ; фигура Авдотьи отдѣлилась отъ костра по тому направленію, гдѣ ждалъ Степанъ.

— Раба Божія, тихо произнесъ Степанъ, когда Авдотья поравнялась съ нимъ.

— Ахти, съ нами крестная сила, вскрикнула Авдотья.

— Не бойся, это я, странникъ Божій, также тихо произнесъ Степанъ. Авдотья остановилась какъ вкопанная.

— Не бойся, раба Божія, я съ тобою, ободрилъ ее Степанъ.

— Охъ Господи, какъ я напугалась. А чего бы, народъ вездѣ ходитъ. Да вотъ поди, отвѣчала успокоившись Авдотья.

— Грѣхи одолѣли и боишься всего; не даромъ сказано,—бѣгаетъ нечестивый не единому же гонящу, замѣтилъ внушительно Степанъ.

— Грѣшница я, великая грѣшница, Авдотья глубоко вздохнула.

— Нѣтъ грѣха, который-бы не покрыло милосердіе Божіе,—покаяніе надо только принести.

— Я и то каюсь кажинный день.

— Каешься, а творишь тотъ же грѣхъ на каждый часъ. Какое можетъ быть покаяніе на грѣшномъ міру.

— Богъ не безъ милости; отъ насъ и на грѣшномъ міру приметъ покаяніе.

— Неразумное чадо, сама готовишь себѣ геену огненную и вѣчныя муки; ослѣпилъ васъ лукавый и все мудрствуете, обогачаетесь ложными толками никоновцевъ и готовите вѣчную погибель.

— Что-же мнѣ дѣлать, странникъ Божій? въ страхѣ спрашивала Авдотья.

— Въ трудахъ и подвигахъ, въ пустынѣ слезами омывая грѣхи свои, чтобы избавиться вѣчныя муки.

— Охъ, вѣрно намъ бѣднымъ людямъ маяться и въ здѣшней жизни и въ будущей, отчаянно произнесла Авдотья.

— Врагъ васъ ослѣпилъ и не видите вы истиннаго пути ко спасенію, указываютъ тебѣ путь, а ты не хочешь послушать.

— Рада-бы послушать тебя, странникъ Божій, да ума не приложу.

— Не хочешь, сердце твое одервенѣло.

— Рада-бы всей душой, только научи меня, человѣкъ Божій.

— Иди жить въ пустынѣ.

— Какъ я пойду?

— Было-бы желаніе, а Богъ вразумитъ.

— Не знаю, что завести дѣлать мнѣ грѣшницѣ.

— Иди, говорю тебѣ, въ пустыню, я тебѣ все устрою.

— Помилуй тебя Господь, на вѣки вѣчныя обяжешь, если устроишь меня неразумную.

— Если ты меня послушаешь, устрою тебѣ келью и водворю тебя въ пустынѣ.

— Во всемъ тебѣ послушаю, только избавь мою грѣшную душеньку отъ муки вѣчныя и огня геенскаго, съ этими словами Авдотья повалилась въ ноги Степану.

— Только тайными путями намъ дается спасеніе, я тебѣ все открою, но съ тѣмъ, чтобы ты хранила тайну крѣпко и никому не открывала.

— Никому не открою, вотъ тебѣ истинный въ свидѣтели.

— Нѣтъ, ты поклянись душой своей, что никому не будешь рассказывать.

— Какъ-же это душой клясться? въ страхѣ и недоумѣніи спрашивала Авдотья.

— Клянусь душой моей, говори, чтобы не видать ей прощенія ни въ сей жизни, ни въ будущей.

Авдотья молчала.

— Что-же ты?

— Страшно мнѣ, больно ужасно.

— Погибай-же ты въ грѣхахъ своихъ!

— Помилуй меня, Божій человѣкъ, не оставь безъ помощи. Она повалилась въ ноги Степану.

— Сама не хочешь своего спасенія, я что могу сдѣлать?

— Вразуми меня, грѣшницу темную.

— Говорятъ тебѣ, поклянись душой.

— Охъ Господи не знаю, что завести дѣлать, страшненько мнѣ, смередушка моя приходитъ.

— Ну какъ знаешь.

— Не оставь ты меня, во всемъ слушать буду тебя.

— Клянись душой, что ты тайны не откроешь.

— Правду говорятъ, что тѣсенъ путь ко спасенію. Что я заведу дѣлать.

— Заслѣпилъ твои очи лукавый, клясться въ сохраненіи тайны, ради твоего-же спасенія страшно, а не страшно отдаваться съ доброй воли врагу въ когти.

Авдотья затряслась всемъ тѣломъ.

— Какъ я буду клясться душой, произнесла она замирающимъ отъ страха голосомъ.

— Говори за мной. Клянусь душой моей, чтобы не видать ей спасенія ни въ сей жизни, ни въ будущей, если я не сохраню тайны.

Едва внятнмъ голосомъ, трепещущая отъ страха, произнесла клятву Авдотья.

— Теперь я тебѣ все открою. У меня есть въ лѣсу келья, гдѣ я въ подвигахъ провожу жизнь мою; въ той кельѣ поселю тебя и пропитаю, а ты, не смущаемая міромъ, замолитъ грѣхи твои и спасешься. На третій день праздника скажи своимъ, что идешь на богомолье въ Кириловъ, и ступай, добра съ собой не бери, пусть въ міру остается, а возьми въ котомочку необходимое для дороги. Какъ выйдешь за деревню, сверни на попову ниву и жди меня подъ Селифантьевымъ згородомъ, я вечериной приду за тобой. Смотри-же тайну сохрани и сдѣлай такъ, какъ я сказывалъ, а не то не видать спасенія ни въ сей жизни, ни въ будущей.

— Ладно, сохраняю.

— Смотри-же, сказалъ Степанъ и скрылся въ темнотѣ.

Авдотья бѣгомъ пустилась въ деревню.

Насталъ праздникъ. Еще до свѣту толпился народъ вокругъ часовни, свои деревенскіе и гости съ окрестныхъ деревень покрывали всю нивку. Звонъ небольшого колокола раздавался и мѣшался съ говоромъ толпы. Появился Степанъ, все смолкло и началась служба. Земныхъ поклоновъ съ глубокими вздохами и возгласами: „Господи Исусе, Мать Пресвятая Богородица, Пресвѣтлая Пятница, Зосимъ и Савватій, Фроль и Лавръ, Медосій и Власій“ и подобными, было положено безъ счету. Впереди всехъ гнусилъ протяжно и не внятно Степанъ, ему вторили Кузьма и еще два три человѣка, они перебивали другъ друга, перекидывали слова, произносимыя Степаномъ, отчего нельзя было разобрать, что они гнусили, да и незачѣмъ было; всякій творилъ молитву по своему. Отъ свѣчей было душно въ часовнѣ. Послѣ двухчасовой службы двинулся крестный ходъ, разобрали всѣ образа изъ часовни и процессія растянулась на четверть версты. На каждомъ перекресткѣ, у околицы, въ прогонахъ, на концахъ и по срединѣ деревни процессія останавливалась и народъ клалъ земные поклоны на востокъ, западъ, сѣверъ и югъ. Къ полдню только кончилась церемонія и весь народъ разбрелся по домамъ обѣдать.

Осенній день коротокъ, не успѣлъ народъ отобѣдать какъ наступилъ вечеръ, солнце клонилось уже къ западу и обливало золотистымъ свѣтомъ поля, подернутыя паутиной. Улица вся прудилась народомъ; мѣстахъ въ трехъ были хоровады, звонкія пѣсни разносились изъ конца въ конецъ, на качеляхъ размахивались пестрые сарафаны, по срединѣ играли въ рюхи и все это было окружено празднымъ народомъ, полупьянымъ, стоявшимъ и глядѣвшимъ безъ всякой мысли на происходившее передъ глазами. Иногда только мѣткая острота или неловкое движеніе играющаго возбуждали смѣхъ, подхватываемый толпой и переходящій въ гулъ, похожій на отдаленные перебаты грома. Бревна, завалены, и камни были обращены въ сѣдалища. Хозяева съ важностью рассказывали

своимъ гостямъ о совершившемся у нихъ ложномъ чудѣ, о церкви новой и службѣ. Гости слушали съ умиленіемъ и завистью.

— Въ нашей деревнѣ тоже было чудо, рассказывала моя бабка, царство ей небесное, говорилъ одинъ изъ гостей скучившейся кругомъ его артели на бревнахъ.

— Была этакъ солдатчина, извѣстное дѣло, кто на очереди, тотъ и надумывался, какъ-бы отбыть, пристаётъ знамо къ отцу или матери, чтобы какъ ни на есть слобонили. Кому-то охота въ солдаты идти?

— Идутъ и по доброй волѣ наймиты, возразилъ одинъ изъ слушающихъ.

— Ну то народъ совсѣмъ другой, отпѣтый, продолжалъ рассказчикъ. — Идутъ отъ нужды, а либо нагуляться до сыта—гуляки. Много ихъ и бѣгаетъ.

— Съ нашей деревни наймитъ три раза изъ службы бѣгалъ, такъ его три раза сквозь строй гоняли, такъ подъ палками и жизнь кончилъ.

— Вишь ты оказія какая, служба-то значить тяжела.

— И вотъ какъ тяжела, что не приведи Богъ.

— Бросьте. Чего тамъ про службу рассказывать. Не мѣшай ему пусть про чудо рассказываетъ.

— Вотъ, знаешь, продолжалъ рассказчикъ,— у одной вдовы было два парня, одному приходилась очередь. Онъ и присталъ къ матери, продай да продай весь скотъ и найми за него, присталъ и покою ей не даетъ. Осерчала, значить, мать, да и крикнетъ на него, ну тебя къ лѣшему, а дѣло-то было къ вечеру. И что-жъ? Пропалъ парень, совсѣмъ тажи пропалъ и вѣсти о немъ никакой. Вотъ такимъ манеромъ пропалъ парень безъ вѣсти.

— Лѣшій, что-ль, его унесъ? спросилъ кто-то изъ толпы.

— А вотъ увидишь кто.

— Бываетъ, что лѣшій уноситъ ребятъ, особливо какъ худое слово не ко времени сорвется.

— Чего бываетъ. У насъ въ деревнѣ дѣвочку лѣтъ пяти унесъ, черезъ лѣто нашли однѣ только косточки въ лѣсу.

— Русалки знать защекотали.

— Можетъ и русалки. Самъ-то лѣшій бережетъ тѣхъ, кого уноситъ и поить и кормить хорошо.

— Взаболъ?

— Всѣ говорятъ, кто слышалъ.

— Да вы послушайте, что вышло, обратился къ толпѣ рассказчикъ.

— Ладно, говори, мы слушаемъ.

— Вотъ и пропалъ тажи парень и слуховъ нѣтъ, годъ нѣтъ, другой нѣтъ. Мать молебны служить, панихиды править. Нѣтъ, какъ нѣтъ. И чего-то она не дѣлала. По ворожеямъ ходила, къ колдунамъ. Ни что не беретъ. Сыскался правда, одинъ колдунъ, говоритъ ей не въ добромъ мѣстѣ сынъ твой, только вернуть его нельзя, сильно ужъ любить его хозяйнѣ. И больше ни словечка не добавилъ. Сколько ни пытали его—ничего не могли добиться. Такъ три года прошли и слуховъ никакихъ не было.

— Такъ, значить, и порѣшился совсѣмъ?

— Ты послушай, что вышло. Вотъ разъ въ осенній вечеръ сидитъ пригорюнившись мать, а въ избу-то и шасеть сынъ. Здравствуй, матушка, говоритъ. Та такъ и обомлѣла. Не знаетъ что и дѣлать. Креститься, аль сына обнимать. Онъ ей говоритъ: не бойся, матушка, я сынъ твой, Василий. Богъ помиловалъ, воротился къ тебѣ.

— Ну мать-то рада радехонька. На деревнѣ всѣ узнали, что Васька вернулся, полная изба народу привалила.

Сидитъ Васька въ избѣ за столомъ и рассказываетъ. Какъ мать-то меня изругала, было

дѣло къ ночи, я вышелъ на дворъ, а меня какъ подхватить къверху, словно вихремъ, подняло такъ скоро, что свѣту Божьяго не взвидѣлъ. Что со мной творилось, не помню. Опомился, гляжу — сижу на печкѣ въ избѣ. Свѣтло, а солнышка не видать. Изба какъ есть справная, большущая, новая, а кровля стеклянная. Смотрю, сквозь кровлю вода видна и видно какъ рыба плаваетъ. Ходитъ по избѣ баба, прибирается, ребятишки играютъ. Я гляжу да дивлюсь, а баба говоритъ, не хочешь-ли поѣсть, добрый человекъ. Пожалуй, говорю. Накрыла на столъ, ухи налила, я сажусь за столъ, хотѣлъ помолиться, а Божьяго-то благословенья и нѣтъ. Хотѣлъ было перекреститься, рука не подымается, вотъ что хошь дѣлай. Такъ не помолвившись и сѣлъ за столъ.

— Вишь ты грѣхъ какой!

— Вотъ, говоритъ Васька дальше, я спрашиваю, гдѣ я? Въ добромъ мѣстѣ, у хорошаго хозяина, отвѣчаетъ баба, и больше никакого толку не могъ добиться. Пришелъ хозяйнѣ, бравый такой, какъ есть нашъ братъ крестьянинъ. Рыбы принесъ пошу, все рыба хорошая, и говоритъ: живи у насъ, беречь тебя будемъ, работа тебѣ легкая будетъ, вотъ хозяйкѣ помогай, дровъ принесешь, съ ребятишками понянчишься, работа у насъ легкая. Живу я, соскучилъ, хотѣлъ было уйдти, да нельзя. Отворилъ дверь, а передъ дверью вода стѣной стоитъ, куда пойдешь? Соскучился и такъ соскучился, что на хлѣбъ смотрѣть не могу. Хозяинъ и говоритъ мнѣ, по своимъ что-ль соскучалъ? Соскучалъ, говорю. Ну, ладно, говоритъ, сегодня повидеешься. Поднялъ этта меня вихоръ и мигомъ мы очутились въ своей деревнѣ. У тебя, матушка, посѣдка была, ты лежишь такъ на печкѣ, меня поставилъ за лохань у порога хозяйнѣ, всѣхъ вижу, а сказать нислова не могу, точно ротъ кто зажалъ. Въ ту пору еще Тимошка Гнусовъ у Паланьки куделину запалилъ, пламя фуркнуло къверху, постель на палатахъ запалило, суматоха поднялась, Ванька догадался, чехнулъ ведромъ на палаты и залилъ. Какъ это сказалъ, весь народъ такъ и ахнулъ. Дѣйствительно такъ дѣло и было. Такимъ манеромъ мы съ хозяиномъ и ходили, только все по соседкамъ или по кабакамъ, а чтобы такъ нарочно въ домъ, никуда не заходили. Значить ему туда нельзя. Становому дали знать, онъ и становому такъ показалъ. Не вѣритъ становой. А онъ божится и вся деревня подтверждаетъ, что такъ дѣло. Становой такъ и донесъ. Стребовали въ городъ и теперь еще въ острогѣ тамъ сидитъ.

— Какъ-же онъ сбѣлъ-то изъ подъ воды?

— Былъ онъ значить у самого водяника. Случилось его хозяйкѣ родить, вотъ водяникъ-то и привелъ бабку, она уже у него не первая принимала.

— Вишь, самъ водяникъ, а безъ бабки не обойтись.

— Какъ-же, дѣло такое, что безъ бабки нельзя, жена у него тоже захвачена какъ и Васька, только маленька, онъ ее выростилъ. Вотъ Васька и взмолился бабкѣ, научи родная, какъ отсюда уйти, та сжалилась и сказала, что иди взадъ пятками, я все такъ хожу сюда. Онъ удучилъ время, когда хозяйки не было, вышелъ взадъ пятками, такъ вода даже и не замочила, и пришелъ домой.

— Оказія да и только!

— Откуда эти водяные взялись да лѣшіе.

— Дѣдъ мой говорилъ, что когда сатана со своими товарищами возгордился и возсталъ, его съ товарищами и сбросили съ неба-то, вотъ они и повалились на землю, кто упалъ въ воду, водянымъ сталъ, въ лѣсъ — лѣшимъ, въ домъ —

домовымъ, въ баню—баннымъ, въ ригу — хозяйномъ.

— А говорятъ домовые-то, да хозяйева добрѣ всѣхъ.

— Коли потрафляешь имъ—берегутъ, а чуть не уладилъ—бѣда. Весь скотъ переведутъ. Вотъ Сенька беспальный: похвалился молъ поймаю домоваго, да такъ его отлуплю, что будетъ помнить доновыхъ вѣнниковъ. Такъ онъ ему весь скотъ перевелъ.

— Съ чего-же это онъ такъ похвалялся.

— Извѣстное дѣло, пьянъ былъ. Трезвый не сказалъ-бы.

— А говорятъ, что можно поймать домоваго, только взять четверговую свѣчу зажечь и вербу въ руки, такъ увидишь непременно.

— Дѣлаютъ, особливо пастухи, они съ ними умѣютъ управляться.

— Ты хоть пивца подаль-бы, Степанъ Митричъ, а то въ горлѣ пересохло.

Степанъ вынесъ ведро пива, достало только на двоихъ, а на шесть человекъ до трехъ ведеръ вышло.

Въ подобныхъ разговорахъ проводили время болѣе солидные и пожилые крестьяне, прочіе же предавались веселью и пьянству; къ ночи разгулъ дошелъ до широкихъ размѣровъ, множество пьяныхъ валялось по улицѣ. Не принимали только участія въ весельѣ Кузьма, Маланья и Авдотья. Первый озабоченный занимался только угощеніемъ и не принималъ участія въ разговорахъ, Маланья не показывалась изъ избы, а Авдотья совсѣмъ оставила веселую компанію, сидѣла со старухами, бесѣдуя о святыхъ мѣстахъ и постоянно вздыхала. Степанъ пользовался общимъ вниманіемъ, его встрѣчали съ особеннымъ почтеніемъ, если подходилъ къ гуляющимъ, его усердно угощали, но онъ крѣпился, чтобы пьяному какънибудь не проболтаться.

Насталъ третій день праздника, Авдотья совсѣмъ собралась въ путь. Деверь еще попробовалъ убѣждать ее оставить свое намѣреніе, но все было тщетно, Авдотья наладила одно—иду, да иду въ Соловки и родные уже болѣе ея не отговаривали, считая грѣхомъ отклонить отъ благочестиваго намѣренія.

Дологъ показался день Авдотѣ на поповой нивѣ, она не разъ принималась и спать, но день тянулся; настали сумерки, одной въ пустомъ мѣстѣ становилось страшно Авдотѣ, она то и дѣло творила молитву и крестилась, не смѣя раскрыть глазъ. Наконецъ, когда совсѣмъ стемнѣлось, послышался голосъ Степана.

— Раба Божія, гдѣ ты?

На первый разъ Авдотья не откликнулась, она не была увѣрена, зоветь-ли ее странникъ или это вражеское навожденіе. Когда уже Степанъ подошелъ къ самому огороду, она тогда только откликнулась,

— Ну, вставай и съ Богомъ въ путь, сказалъ Степанъ.

— Куда мы пойдемъ, темъ такая, что глазъ вонъ выколи, возразила трепещущая отъ страха Авдотья.

— Иди за мной смѣло; я дорогу знаю твердо, держись вотъ за кафтанъ, отвѣтилъ Степанъ и отправился съ нею въ лѣсъ.

Сначала шла довольно торная тропинка, но по мѣрѣ углубленія въ лѣсъ Авдотья стала спотыкаться о сучья и кочки, она сквозь слезы творила молитву. Степанъ ее ободрялъ по временамъ. Медленно подвигались путники впередъ. Къ полночи они дошли до болота. На болотѣ Авдотья стала больше спотыкаться о кочки, не разъ падала, проваливалась въ воду, наконецъ она совершенно измучилась и опустилась на землю.

Jules St. Pierre

„НА РАЗВѢДКѢ“;
съ картины Эдуарда Детайля. (Салонъ 1876 г.)

„НА Р. ЗВЪДКЪ“;
съ картини Эдуарда Детайля. (Салонъ 1876 г.).

— Господи, прости мои великія согрѣшенія, настала моя смередушка, отчаянно произнесла Авдотья.

— Крѣпись, говорю,—не дологъ будетъ этотъ трудный путь, ободрилъ Степанъ.

Внимая его ободреніямъ, Авдотья собрала остатки силъ, сдѣлала еще шаговъ десять и въ изнеможеніи упала на землю.—Послѣ тщетныхъ усилій ободрить и заставить идти далѣе Авдотью, Степанъ взвалилъ ее обезпамятѣвшую на плеча и пошелъ далѣе. Ноша была тяжела, а дорога становилась чѣмъ дальше, тѣмъ труднѣе, онъ постоянно порывался, поги то и дѣло по колѣни уходили въ болото. Степанъ, сбросивъ свою ношу, выбирался на кочку, снова бралъ на руки Авдотью, присматривался въ темнотѣ къ дорогѣ, — но болоту конца не было видно; оно все становилось топче и топче.

(Продолженіе будетъ).

На высотахъ спиритизма,

вѣсти изъ разныхъ сторонъ міроваго пространства.

Записки медиума Давида Долгоглазова.

(Я. П. Полонскаго).

Бесѣда 10-я и послѣдняя.

Въ головѣ все еще туманъ и боль...

Все, что узналъ я отъ живыхъ существъ, несравненно меня совершеннѣйшихъ, хоть и заставляетъ меня сожалѣть о моихъ несовершенствахъ, которыхъ никто не можетъ исправить кромѣ Всевышняго, да и то, не раньше чѣмъ переселюсь я въ лучшій изъ міровъ (быть можетъ черезъ сотни и тысячи лѣтъ, смотря потому, куда и на что я буду годиться); хоть мнѣ и грустно сознавать въ себѣ роковую, неизбѣжную силу земли или тѣхъ условій, среди которыхъ выработалась настоящая жизнь моя; все-таки тайная гордость наполняетъ мою душу.

Я мысленно радуюсь, что не похожъ я на тѣмъ медиумовъ, которые даютъ нашей публикѣ разные, по большей части, забавныя представленія.

Кто-то недавно говорилъ мнѣ, что одинъ изъ матеріализовавшихся духовъ вынулъ изъ кармана платокъ и—выморкался!...

Полагаю, что отъ этого факта многіе изъ нашихъ спиритовъ погрузятся въ раздумье и выведутъ свои заключенія.

Но, Богъ съ ними,—мнѣ не до нихъ теперь. У меня есть цѣль—и я до конца буду ее преслѣдовать....

Другъ мой, покойный Алексѣй, — поощряетъ меня.... И странно, онъ вторично признался мнѣ, что никто изъ духовъ его окружающихъ, ни онъ самъ не видѣлъ, не могъ видѣть трехъ послѣднихъ вѣстниковъ изъ міроваго пространства, удостоившихъ меня своимъ посѣщеніемъ... Алексѣй могъ замѣтить только „нѣчто“, чувствовать присутствіе чего-то необычайнаго.

И такъ, оказывается, что меня, какъ существо тѣлесное, эти явленія погружаютъ въ сонъ, а духовъ не погружаютъ; вотъ и вся разница!

Былъ сегодня въ конторѣ — писалъ...

— Что это у васъ какъ будто рука дрожитъ, сказалъ мнѣ одинъ Ивановъ, сослуживецъ мой (человѣкъ пожилой и рыхлый).

— А что?

— Такъ, почеркъ у васъ начинаетъ портиться, ужъ вы того... не попиваете ли?

— Иногда попиваю, отвѣчалъ я ему засмѣявшись... Только пьянымъ вы меня никогда не видите....

— Сильно, сильно начинаетъ у васъ рука дрожать, батюшка вы мой!... Раненко!... Сколько вамъ лѣтъ? Чай пятый десятокъ идетъ. А?

— Что вы это, пятый десятокъ!—съ небольшимъ сорокъ....

— Ну такъ вы, съ позволенія сказать....

Тутъ онъ, безъ всякаго съ моей стороны позволенія, брякнулъ такое словцо, что и написать совѣстно.

— Э! отвѣчалъ я съ досадою,—мнѣ все равно, сколько мнѣ лѣтъ, и все равно, что обо мнѣ думаютъ.

— Откуда такое равнодушіе?

— Изъ полнѣйшаго сознанія, что ни отъ лѣтъ моихъ, ни отъ вашей похвалы, ни отъ вашего порицанія—лучше я не буду...

— Эхъ вы, батюшка вы мой!... засмѣялся онъ, и потрепалъ меня по плечу; но что онъ хотѣлъ сказать этимъ смѣхомъ—Господь его вѣдаетъ!

Вчера, въ одиннадцатомъ часу вечера, я вдругъ задремалъ.

Сквозь дремоту почувствовалъ я, что чья-то рука легла на плечо мое.... Это онъ! это Алексѣй! мелькнуло у меня въ головѣ прежде чѣмъ тяжелый сонъ окончательно въ мертвое забытье не погрузилъ меня....

Когда я очнулся—былъ мракъ (не понимаю, кто потушилъ свѣчу мою). Только отблескъ уличнаго фонаря косвеннымъ свѣтомъ, снизу вверхъ, освѣщала верхній косякъ окна и темныя стекла.

Сквозь уличный стукъ ѣдущихъ воевъ или обозовъ, гдѣ-то вдали пробило два часа.

Въ домѣ было все тихо; въ концѣ корридора кто-то храпѣлъ.

Богъ знаетъ почему почувдилось мнѣ, что я не одинъ въ комнатѣ, что кто-то есть, кто-то около меня стоитъ, ходитъ, шуршитъ. На меня напалъ страхъ, давно мною неизвѣданный. Ощупью нашель я коробочку фосфорныхъ спичекъ, зажегъ одну спичку объ стѣну, увидаль, что свѣча стоитъ на комодѣ (кто это перенесъ ее со стола на комодъ, тоже Богъ вѣдаетъ).

Не помню, былъ ли у меня въ рукахъ карандашъ, когда я любовался въ окно на восходящій мѣсяцъ и вдругъ задремалъ.

Но карандашъ лежалъ на столѣ, около оторваннаго полудлиста бумаги.

Оказалось, что на этой бумагѣ было что-то написано. Я поднесъ рукопись поближе къ свѣчѣ и сталъ разбирать ее, но ни конца, ни начала разобрать не могъ.

Вотъ, эта странная

Рукопись:

.....дерзкое желаніе.... Такого богатства впечатлѣній маленькій мозгъ твой не вынесетъ... Глазъ мой прорѣзанъ лучами нашего, для вашей системы, центрального солнца и можетъ видѣть то, чего вы не видите Пламень, какъ матеріалъ и сущность нашего свѣтила, неопостижимъ для васъ. Ваше солнце померкло бы въ лучахъ его. Пламень этотъ не подчиненъ тѣмъ физическимъ законамъ, о которыхъ вы кой-что знаете, напротивъ, всѣ вамъ извѣстные законы природы, начиная съ движенія вашего солнца, подчинены ему... Оно, наше громадное солнце, ежеминутно отдѣляетъ отъ себя безчисленное множество искръ и каждая искра — живое, мыслящее существо....

За сотни миллионъ миль несутся эти живыя искры, или мыслящія клубы пламени, и залетая къ намъ, принимаютъ участіе въ актѣ творчества нашей природы, и....

Не цвѣты и деревья, а цѣлыя колонны, храмы, дворцы и башни вырастаютъ изъ нашей почвы, какъ бы повинувшись нашей фантазіи,—вотъ наше творчество.

Нерукотворные города,—вотъ наше растительное царство.... Что ты поймешь изъ этого!... Но... мы знаемъ, что... Знать и благоговѣть—вотъ наше наслажденіе, но какъ еще много для вѣры....

Наше центральное солнце вращается вокругъ другаго; но того солнца мы не видимъ, также какъ и вы не видите нашего.

Тѣ звѣзды, которыя къ удивленію вашихъ астрономовъ вдругъ исчезали и потомъ появлялись, исчезали потому что дискъ нашего солнца.

Ни какіе ваши телескопы не разглядятъ.... Мы... жизнь....

Невольно вслухъ, т. е. полушопотомъ, разбиралъ я эту рукопись, но до конца ни какъ не могъ разобрать ее...

Оглянувшись на свѣчу—я дрогнулъ, въ ея сіяньѣ, неподвижно устремивъ на меня свѣтлоглубые, выпуклые глаза свои, стояло лице Алексѣя. Одинъ усъ его проходилъ черезъ огонь, но свѣча горѣла тихо, безъ треска и колыханія. За нимъ мелькали еще какія-то неясныя очертанія лицъ и все это,—всѣ эти блѣдныя, полупрозрачныя формы и очерки какъ будто прислушивались къ моему чтенію, какъ будто ожидали конца рукописи... и когда я остановился, усилили свое благоговѣйно-изумленное вниманіе, приблизили къ свѣчѣ своей лица, любопытные глаза, полураскрытые уста свои.

— Алексѣй! ради Бога, пощади меня! воскликнулъ я....

— Успокойся!... прошепталъ тихій женскій голосъ, у меня за спиной. Я оглянулся—никого. Взглянулъ опять на свѣчу,—ничего.... только кака-то муха жуужжитъ.

Я раздѣлся, потушилъ свѣчу и легъ; но долго не могъ заснуть... Сердце замирало, голова работала....

Неужели я, даже для нихъ, для этихъ безплотныхъ душъ—медиумъ?! Неужели безъ моей помощи, даже они не узнали бы того, что узнали?!

Гордая мысль!... А впрочемъ развѣ онѣ, всѣ эти души, знаютъ больше того, что они знали, когда ходили по землѣ и быть можетъ даже не вѣрили въ свое безсмертіе.

Затѣмъ я думалъ о томъ, что было мной разобрано въ рукописи, и о томъ, чего не было разобрано....

Но.... довольно!

Да... не довольно ли?... не пора ли мнѣ прекратить мои изслѣдованія?

Но можетъ ли падающій водопадъ остановиться на полдорогѣ. Можетъ ли вылетѣвшее изъ пушки ядро повернуть назадъ.

Какъ впрочемъ иногда просто объясняются нѣкоторое явленія.

— Пожалуйста, говорила мнѣ вчера горничная,—не засыпайте, не потуша свѣчи.

— А что?

— Да какъ же. Намедни вы заснули, — я вошла, вижу—спите, ну, я будить васъ не стала, а свѣчу, ужъ извините... задула....

— И перенесли на комодъ?

— Кажется, сперва перенесла на комодъ, а потомъ задула... Этакъ вы заснете, да еще, пожалуй, пожару надѣлаете.

— Ну, ну, не безпокойся!

— Да—а! У васъ все не безпокойся! А какъ погоримъ, что тогда?

А сегодня хозяйинъ позвалъ меня къ себѣ на хлѣбъ на соль. Послѣ обѣда, закурилъ сигару, да и спрашиваетъ:

— Лунатикъ ли вы?

— А что?

— Вчера было полнолуніе, вы всю ночь ходили по комнатѣ, и все что-то ворчали, даже столомъ вашимъ двигали.

— Помилуйте, вчера спалъ я великолѣпно: какъ легъ, такъ и заснулъ. Не третьяго ли дня вы это слышали?

— Нѣтъ, нѣтъ.... вчера.... именно вчера. Я поздно воротился изъ клуба, и самъ стоялъ у вашей двери, самъ слушалъ... Спросите у горничной.

— Чтожь вы не вошли?

— Да вы заперлись; а стучать я не хотѣлъ. Говорятъ лунатиковъ пугать не слѣдуетъ....

Кто знаетъ, подумалъ я, можетъ быть я и лунатикомъ сталъ... можетъ быть еще, когда нибудь и съ ума сойду....

денборга. (На дняхъ, въ одномъ английскомъ журналѣ, а именно: „Belgravia. February 1877. Vol. XXXI, № 124“ появилась статья подъ заглавіемъ: „Other Worlds and others Universes by Richard A. Procter“. Замѣчательно, что въ этой статьѣ ученаго есть фразы, которыя намекаютъ почти на то же самое, о чемъ по своему фразируетъ Давидъ Долгоглазовъ).

Въ третьихъ, хотя почтенный Давидъ Долгоглазовъ и самъ неисправимый спиритъ; но по моему мнѣнію, весьма справедливо нападаетъ на нѣкоторыхъ спиритовъ, и притомъ даже къ самому себѣ, къ своимъ галлюцинаціямъ, какъ человѣкъ не совсѣмъ глупый, относится съ нѣкоторымъ насмѣшливымъ недоуміемъ. (Я слышалъ, что знаменитый спиритъ Юмъ пишетъ тоже новую книгу, въ которой безошибочно осмѣиваетъ современныхъ медиумовъ и спиритовъ. Если это справедливо, то такое осмѣяніе спиритовъ спиритомъ — фактъ психологически весьма возможный).

И наконецъ, потому, что теперь я, вашъ порочный слуга, всякій разъ, когда услышу рассказы какого-нибудь спирита или медиума — непременно подумаю: то ли еще повѣдалъ намъ Давидъ Долгоглазовъ! Ужъ того, что нагородилъ намъ этотъ медиумъ, вы ни за что не нагородите, ибо нѣтъ у васъ ни его фантазіи, ни его стремленій...

Можетъ быть, читатель, и вы тоже самое по думаете.

П. Я. Полонскій.

КОНЕЦЪ.

Въ ночной тиши.

Играла ты... Звуки безумно рыдали,
И странныя грезы вились надо мной:
Казалось,—не струны во мглѣ трепетали,—
Казалось,—то, сердце мое предъ тобой;

Его прищемила ты словно клещами
И больно шипала, и рвала въ куски;—
А сердце рыдало подъ злыми руками,
И пѣло безумныя пѣсни любви...

Вар.

Призракъ ночи.

Ночь недвижная,
Ночь безстрастная!
Почему ты мнѣ
Грознымъ призракомъ
Смерти кажешься?
Точно саваномъ
Голубымъ своимъ
Ты окутала
Небо мутное.
Точно факелы
Погребальныя
Блещутъ на небѣ
Звѣзды тускляя,
Да луна—мертвецъ,
Недождавшійся
Погребенія,
Съ мертвымъ обликомъ,
По пустынному,
По эфирному
Бродитъ кладбищу...

Дм. Минаевъ.

Семья гробовщика.

(Изъ Ф. Коппе).

Здоровый гробовщикъ, насвистывая что-то,
Строгаешь, рукава поднявши до локтей.
Счастливые деньки! Заваленъ онъ работой
И въ праздники въ кабакъ не тащитъ барышей.

За грудую гробовъ, не вѣдая заботы,
Малютки увлеклись вполнѣ игрой своей.
И только крестятся, узнавъ, что умеръ кто-то:
Чужая смерть несетъ имъ рядъ счастливыхъ дней.

Мать, на порогъ присѣвъ, мечтаетъ про
размѣры
Доходовъ будущихъ при помощи холеры
И вяжетъ свой чулокъ съ улыбкой на губахъ,
И мирный ихъ кружокъ при гаснущихъ лучахъ
Намъ говоритъ, что Богъ послалъ имъ всѣ
условья
Довольства сытаго и крѣпкаго здоровья.

А. Михайловъ.

Очерки современной Турціи.

(Продолженіе).

Фанариотское или греческое духовенство.

Константинопольскій патриархъ есть глава греческой церкви на всемъ востокѣ Европы. Онъ избирается святѣйшимъ синодомъ, или фанаромъ, составленномъ изъ архіепископовъ, епископовъ, игуменовъ, архимандритовъ и священниковъ. Власть его очень обширна — онъ въ греческой церкви почти тоже, что папа у католиковъ.

Послѣ того, какъ выборъ его признанъ Портою законнымъ, ему вручается императорскій фирманъ, которымъ утверждаются его духовныя права надъ всѣми членами его церкви.

Послѣ турокъ, даже въ славянскихъ частяхъ государства, господствующею націею были всегда греки. И надо имъ отдать справедливость, что они развитѣе и образованнѣе всѣхъ остальныхъ. Они ловко умѣютъ устраниваться около губернаторовъ, по большей части вполнѣ невѣжественныхъ и пользуются своимъ вліяніемъ на нихъ, чтобы мѣста во всѣхъ епископствахъ и деревенскихъ приходяхъ даже чисто славянскихъ замѣщать своими членами; и въ этомъ они руководствуются политическими соображеніями.

Но этого имъ показалось мало; они начали распространять между учениками немногочисленныхъ болгарскихъ школъ—книги, которыя знакомили дѣтей съ тѣмъ, чего они въ интересахъ славянскаго племени никогда не должны были бы знать. Кромѣ того греческіе архимандриты, священники и игумены, когда имъ только представлялась возможность, служили въ славянскихъ православныхъ церквахъ по греческому образцу. Славянское духовенство протестовало и изъ-за этого возникали часто страшныя междоусобія, доходившія до кровопролитія.

Турецкая администрація почти всегда принимаетъ сторону грековъ и славянамъ приходится уступать и молча подчиняться господству греческаго духовенства. Жалобы въ суды не принимаются. Полное отсутствіе средствъ сообщенія, безцеремонность почтовыхъ чиновниковъ, которые позволяли себѣ задерживать по своему желанію письма, все это дѣлало невозможнымъ несчастному славянскому духовенству искать защиты у столичныхъ властей или у болгарскаго экзархата. Если же иногда, преодолевъ тысячи затрудненій, какая-нибудь жалоба попадала въ Константинополь черезъ заинтересованнаго почему-нибудь въ этомъ дѣлѣ посланника, а не черезъ безсильнаго экзарха, то смѣняли великаго визиря. Назначенный же на его мѣсто, боясь не угодить высшему духовенству, приказывалъ навести справки, чѣмъ дѣло и окончивалось.

Но что побуждаетъ греческое духовенство такъ добиваться господства надъ славянскими церквами и главное—вліянія на славянскихъ поселянъ?

Во-первыхъ, ими двигаютъ политическія соображенія, во-вторыхъ—матеріальный интересъ. Если часть эллиновъ вернула свою независимость, если кандидатамъ, возставшимъ такъ часто противъ мусульманъ, удалось приобрести нѣкоторыя льготы, представительную конституцію и право нѣкотораго контроля надъ оттоманскими чиновниками, то этимъ они обязаны исключительно греческому духовенству, которое своими патриотическими проповѣдями такъ подняло нравственность народа. Богатые греки жертвовали громадныя суммы, чтобы содѣйствовать ихъ дѣлу и осуществить великую идею независимости всей турецкой территоріи, населенной греками. Конечно, въ такихъ размѣрахъ стремленія грековъ представляются вполнѣ похвальными; но дѣло въ томъ, что ихъ политическое честолюбіе настолько велико, что они хотятъ не болѣе, не менѣе, какъ подчинить себѣ различныя славянскія племена, живущія рядомъ съ ними въ адрианоупольскомъ, салоницкомъ и монастырскомъ вилайетахъ.

Въ турецкихъ министерствахъ, между товарищами министровъ, высшими сановниками, посланниками, въ особенности между банкирами много грековъ и очень мало славянъ. Первые, будучи тѣсно сплочены между собою, могли во всякое время дать духовенству какъ духовныя, такъ и матеріальныя средства для пропаганды. Со своей стороны греческіе священники дѣлаютъ въ этомъ направленіи все возможное. Несмотря на то, что греки считаются райями, почти всюду они пользуются правомъ носить оружіе; они находятся подъ покровительствомъ турецкихъ властей почти наравнѣ съ самими турками, потому что имѣютъ средства откупаться при нуждѣ деньгами отъ всякихъ мѣропріятій администраціи.

Въ центральныхъ пунктахъ Европейской Турціи греки, вмѣстѣ съ евреями, захватили въ свои руки и ту незначительную торговлю, которая тамъ производится. Почти всѣ они бокалы сарефы, т. е. мѣнялы; они снабжаютъ деньгами какъ поселянъ, такъ равно и турецкихъ прожившихся аристократовъ и дерутъ съ нихъ самыя безбожныя проценты (отъ 150 до 200 проц.). Часто они берутъ на себя сборъ податей и десятины. Они умѣютъ всегда войти въ соглашеніе съ губернаторомъ, чтобы соединенными силами грабить несчастнаго славянина-крестьянина, ихъ общаго врага; ихъ связи съ администраціей позволяютъ имъ также тайкомъ выписывать изъ прибрежныхъ городовъ оружіе, которое и доставляется имъ обыкновенно въ арбахъ славянскими райями.

Съ тѣхъ поръ, какъ православное славянское духовенство отдѣлилось отъ греческой церкви, съ тѣхъ поръ, какъ болгарскій экзархатъ сдѣлался независимымъ и получилъ почти тѣ же права, что и греческій синодъ, права, утвержденныя султанскими ираде, собственно греческая церковь лишилась многихъ изъ своихъ славянскихъ послѣдователей. Тѣ изъ славянъ, которые изъ страха или изъ личныхъ выгодъ слушали проповѣди греческихъ игуменовъ и священниковъ, отдѣлились отъ нихъ открыто, какъ только, благодаря энергической поддержкѣ русскаго посланника, славянское православіе было официально признано въ Константинополѣ. Въ Босніи, Герцеговинѣ и Албаніи остались еще между славянами послѣдователи греческой церкви, но въ Болгаріи нѣтъ, кажется, того селенія, изъ котораго греческій священникъ не былъ бы изгнанъ съ позоромъ въ день провозглашенія независимости болгарской и признанія ея въ Константинополѣ.

Трудно составить вѣрное понятіе о количествѣ греческихъ священниковъ въ Турціи: въ каждой деревушкѣ есть одинъ или два, въ селахъ же и городахъ ихъ по нѣскольку человѣкъ. Епископства точно также многочисленны: села съ 3-мя, 4-мя тысячами жителей имѣютъ своего епископа. Этой многочисленности духовенства нечего удивляться, такъ какъ священники сравнительно съ райями пользуются громадными привилегіями.

Все духовенство въ Турціи, кромѣ мусульманскаго, не получаетъ никакого содержанія отъ государства, а живетъ исключительно на-

десятину, собираемую съ прихожанъ. Можно себѣ поэтому представить въ какомъ бѣдственномъ положеніи очутились греческіе священники, будучи принуждены удалиться изъ своихъ приходоѡ. Поэтому они не такъ легко уступаютъ свои мѣста и ежедневно пускаютъ въ ходъ всю свою изворотливость и ловкость, чтобы удержаться на нихъ по возможности долго. Еще и теперь многія славянскія деревни въ Нижней Болгаріи и Румелии напрасно добиваются славянскаго священника въ свой приходъ, греческій же священникъ не уступаетъ своего мѣста и съ помощью турецкихъ властей продолжаетъ собирать десятину.

Недовольство славянъ, выведенныхъ изъ себя притѣсненіемъ греческаго духовенства, выразилось много разъ довольно энергично, но всегда турецкая администрація съ неслыханною жестокостью подавляла эти болѣе шумные, чѣмъ серьезные протесты несчастныхъ славянъ, вся вина которыхъ заключалась въ томъ, что они добивались свободы исповѣдывать свою религію, свободы, признанной и утвержденной многими гаттами и ираде, издаваемыми въ Константинополь, но никогда не исполняемыми въ провинціи.

Не имѣя возможности привлечь въ лоно греческой церкви многочисленное болгарское населеніе, хотя и невѣжественное и несчастное, но тѣмъ не менѣе твердое въ вѣрѣ и предпочитающее лучше перенести всякій деспотизмъ, чѣмъ обратиться въ грековъ, видя все это, греческое духовенство соединилось частенько съ турецкими властями и вмѣстѣ съ ними самымъ ужаснымъ, самымъ произвольнымъ образомъ притѣсняло бѣдныхъ славянъ. Недавно въ Струмницѣ, въ Нижней Болгаріи, произошелъ слѣдующій, далеко, впрочемъ, небезпримѣрный случай. Мѣстные власти, соединившись съ греческимъ духовенствомъ употребляли насиліе, чтобы удержать славянъ подъ властью греческаго епископа. Съ помощью запятѣвъ они силою отбирали дѣтей у родителей и крестили ихъ по греческому обычаю. Бракъ, совершенный не по гречески признавался, недѣйствительнымъ. Одинъ болгарскій священникъ по имени Тодоръ, былъ привлеченъ къ отвѣтственности за то, что осмѣлился совершить надъ покойникомъ похоронный обрядъ. Его посадили въ тюрьму и такъ какъ онъ не могъ представить въ залогъ той суммы, которую отъ него требовали, то онъ и пробылъ тамъ, пока не былъ назначенъ новый чиновникъ на мѣсто того, который его засадилъ.

Въ 1874 году въ Сараевѣ, главномъ городѣ Босніи умеръ греческій епископъ; онъ, какъ и слѣдовало ожидать, оставилъ громадное состояніе. Разсказывали, что все свое имущество онъ завѣщалъ своей единственной молоденькой племянницѣ, жившей съ нимъ. Послѣ блестящихъ похоронъ, которые устроило духовенство усопшему епископу, молодая дѣвушка была изгнана изъ дома и не получила ни гроша изъ дядинаго наслѣдства. По всей вѣроятности въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ подобныхъ, греческое духовенство вошло въ соглашеніе съ чиновниками и съ тогдашнимъ вали Дервишемъ-пашей, чтобы завладѣть состояніемъ, долженствовавшимъ перейти въ руки неопытной дѣвушки.

Въ 1873 г. одинъ епископъ объѣзжалъ свой округъ въ сопровожденіи двухъ священниковъ. Въ дорогѣ онъ умеръ. Священники знали, что послѣ него осталось хорошее состояніе и рѣшили завладѣть имъ. Для этого нужно было, чтобы родные епископа не узнали о его смерти, а это вовсе не трудно въ странѣ, лишенной правильныхъ средствъ сообщенія. Они оставили покойника въ сараѣ въ той деревушкѣ, гдѣ онъ умеръ, сами же вернулись въ городъ и овладѣли состояніемъ, простиравшимся до 350 тысячъ франковъ. Когда наконецъ родственники разузнали о смерти епископа, они заявили объ исчезновеніи его состоянія, мѣстная полиція принялась розыскивать священниковъ, но мутессарифъ дѣйствовалъ такъ слабо, что видно было, что онъ бы не желалъ тревожить этихъ мошенниковъ. Дѣло это надѣлало много шуму.

Но ничего не открылось, такъ какъ губернаторъ былъ заинтересованъ въ томъ, чтобы замать это дѣло, и ни прошенія на имя великаго визиря, ни приказанія послѣдняго разслѣдовать дѣло, ни сама константинопольская печать — ничто не могло заставить мутессарифа отыскать преступниковъ.

Мѣсяцевъ шесть тому назадъ четыре турка и черкеса убили галлиполійскаго епископа во время объѣзда послѣднимъ своей епархіи. Убийцы ограбили его и трехъ священниковъ, бывшихъ съ нимъ. Двое изъ этихъ послѣднихъ были ранены или тоже убиты, третій же исчезъ. Всѣ розыски Джеветъ-паши, мутессарифа галлиполійскаго остались безуспѣшны и ни убійцы, ни пропавшій священникъ не были найдены.

Высшее греческое духовенство очень богато; всѣ денежные пожертвованія остаются въ его рукахъ. Сельскіе священники и игумены довольствуются небольшою долею денежныхъ пожертвованій и живутъ со своими семействами въ довольствѣ на тѣ приношенія вещами, которыми щедро одѣляютъ ихъ прихожане. Но ихъ довольство не гармонируетъ съ той страшной бѣдностью, которая ихъ окружаетъ. И когда умираетъ какой-нибудь греческій епископъ или архимандритъ, всегда оставляя громадное состояніе, невольно задашься вопросомъ: какъ могутъ эти люди составлять такіа богатства посреди такого несчастнаго народонаселенія и безъ того обремененнаго податями, барщиной, пошлинами, взыскиваемыми съ нихъ органами центрального управленія, мѣстными властями, турецкими помѣщиками и запятями!

(Продолженіе будетъ).

ЖЕНЫ АРТИСТОВЪ.

Альфонса Доде.

(Продолженіе).

XI.

Графиня Ирма.

„Шарль д'Атисъ, литераторъ, имѣетъ честь извѣстить Васъ о томъ, что у него родился сынъ Робертъ. Ребенокъ здоровъ“.

Весь литературный и артистическій Парижъ получилъ десять лѣтъ тому назадъ это коротенькое извѣщеніе на атласной бумагѣ съ гербами графовъ д'Атисъ-Монъ, послѣдній изъ которыхъ Шарль д'Атисъ съумѣлъ, будучи еще такимъ молодымъ, составить себѣ репутацію настоящаго поэта.

.... „Ребенокъ здоровъ“.

А мать? объ ней и не упоминалось въ письмѣ. Всѣ знали ее слишкомъ хорошо. Это была дочь стараго браконьера съ береговъ Сены и Оазы, бывшая натурщица, которую звали Ирмой Салле и портреты которой таскались по всѣмъ выставкамъ, точно также какъ и оригиналы ихъ таскался по всѣмъ мастерскимъ. Ея низкій лобъ, ея антично приподнятая губа — это лице крестьянки, которому случай придалъ правильность древнихъ типовъ, эта птичница съ греческими чертами, этотъ немного загорѣлый цвѣтъ лица, который бываетъ у дѣтей, выросшихъ на вольномъ воздухѣ и придаетъ бѣлокурымъ волосамъ отблескъ свѣтлаго шелка, придавали этой крестьянкѣ какую-то дикую оригинальность, которая дополнялась парой глазъ превосходнаго зеленого цвѣта, выглядывавшихъ изъ подъ густыхъ бровей.

Однажды ночью, выходя изъ маскарада д'Атисъ увезъ ее ужинать со собою и этотъ ужинъ продолжался два года. Но хотя Ирма вполне во-

шла въ жизнь поэта, этотъ дерзкій аристократическій пригласительный билетъ можетъ достаточно показать вамъ, какъ мало мѣста она занимала въ этой жизни. Дѣйствительно, въ этомъ случайномъ хозяйствѣ, жена была только ключницей, выказывающей въ управленіи хозяйствомъ поэта-джентльмена всю терпимость натуры крестьянки и куртизанки, старающейся во чтобы то ни стало сдѣлаться необходимой. Слишкомъ мужичка и слишкомъ глупая, чтобы понять гений д'Атиса, его прекрасные, утонченные и великосвѣтскіе стихи, которые дѣлали его чѣмъ-то въ родѣ парижскаго Теннисона, она все-таки съумѣла принаровиться ко всѣмъ его причудамъ и ко всѣмъ его требованіямъ, какъ будто бы въ глубинѣ ея вульгарной натуры уцѣлѣло униженное удивленіе крестьянки къ дворянину, вассалки къ ея господину. Рожденіе ребенка только усугубило ея ничтожество въ домѣ.

Когда вдовствующая графиня д'Атисъ-Монъ мать поэта, великосвѣтская женщина высшаго круга, узнала что у ней родился внукъ хорошенькій, маленькій виконтъ, признанный своимъ отцемъ, ей захотѣлось его увидѣть и поцѣловать. Конечно, прежней лектрисѣ королевы Маріи-Амалии было тяжело подумать, что у наслѣдника великаго имени подобная мать; но придерживаясь формулы маленькихъ пригласительныхъ билетовъ, старая барыня забыла о существованіи этой женщины. Она выбирала, отправляясь къ кормилицѣ навѣстить ребенка, такіе дни, въ которые она была увѣрена не встрѣтитъ никого, любовалась имъ, баловала его, усыновила его въ сердцѣ, сдѣлала изъ него своего идола, полюбила его послѣдней любовью бабушекъ, которая является для нихъ предлогомъ прожить еще нѣсколько лѣтъ, чтобы видѣть, какъ малютки подростутъ...

Потомъ, когда малютка — виконтъ подростъ немножко, онъ вернулся къ своимъ родителямъ и такъ какъ графиня не могла отказать отъ своихъ дорогихъ для нея посѣщеній, то было заключено условіе: при звонкѣ бабушки Ирмы исчезала униженно, молча; или же ребенка приводили къ его бабушкѣ и, балованный своими обѣими матерями, онъ любилъ ихъ одинаково и немного удивлялся, чувствуя въ ласкахъ каждой желаніе исключительно присвоить его себѣ. Д'Атисъ беззаботный, поглощенный своими стихами, своей возрастающей славой, довольствовался тѣмъ, что обожалъ своего маленькаго Роберта, говорилъ о немъ всѣмъ и каждому и воображалъ себѣ, что ребенокъ принадлежалъ ему, ему одному. Эта иллюзія была непродолжительна.

— Я бы хотѣла видѣть тебя женатымъ... сказала ему однажды его мать.

— Да... Но ребенокъ?

— Не беспокойся. Я нашла тебѣ молодую дѣвушку дворянку, бѣдную, которая тебя обожаетъ. Я познакомила ее съ Робертомъ и они уже старые друзья. Да къ тому же, въ первый годъ милый малютка будетъ жить со мной. А тамъ мы посмотримъ.

— А эта... эта женщина? рѣшился поэтъ, покраснѣвъ немного, потому что онъ въ первый разъ упомянулъ объ Ирмѣ при матери.

— Ба! отвѣтила вдовствующая графиня, смѣясь, — мы дадимъ ей хорошенькое приданое и я вполне увѣрена, что она тоже найдетъ мужа. Парижскіе буржуа не разборчивы.

Въ тотъ же вечеръ, д'Атисъ, который никогда не былъ безъ ума отъ своей любовницы, сообщилъ ей эти планы и нашелъ ее, какъ всегда, покорной и согласной на все. Но на слѣдующій день, когда онъ вернулся къ себѣ домой, мать и ребенокъ исчезли. Наконецъ ихъ нашли у отца Ирмы въ отвратительной маленькой избушкѣ, на опушкѣ лѣса Рамбулье и когда поэтъ вошелъ, то его сынъ, его маленький князекъ весь въ бархатѣ и кружевахъ, подпрыгивалъ на колѣняхъ стараго браконьера, игралъ его трубочкой, бѣгалъ за курами, радостно встряхивая своими бѣлокурыми кудрями на вольномъ воздухѣ. Д'Атисъ, хотя и сильно встревоженный, хотѣлъ придать этому видъ шутки и тотчасъ увезти съ собою своихъ двухъ бѣглецовъ.

Но Ирма взглянула на дѣло иначе. Ее выгнали изъ дому; она увезла съ собой своего ребенка. Что могло быть естественнѣе?... Только обѣщаніе поэта отказаться отъ женитьбы могло убѣдить ее вернуться. Да и то она заключила условіе. Слишкомъ долго забывали, что она была матерью Роберта. Она не соглашалась болѣе прятаться и исчезать при появленіи г-жи д'Атисъ. Ребенокъ былъ уже слишкомъ великъ и она не могла согласиться подвергаться такимъ униженіямъ въ присутствіи его. Рѣшили, что такъ какъ г-жа д'Атисъ не желала встрѣчаться съ любовницей своего сына, то она не будетъ болѣе приходить къ нему, а маленькаго будутъ приводить къ ней каждый день.

Тутъ-то началась настоящая пытка для старухи-бабушки. Каждый день встрѣчалось какое-нибудь препятствіе. Ребенокъ кашлялъ, было холодно, шелъ дождь. Потомъ ребенокъ былъ занятъ прогулкой, верховой ѣздой, гимнастикой. Она совсѣмъ не видала своего внука, бѣдная старушка. Сначала она хотѣла было пожаловаться д'Атису; но однѣ женщины обладаютъ тайной этихъ мелочныхъ войнъ. Ихъ коварство также незамѣтно какъ стежки, придерживающія оборки и кружева ихъ платьевъ. Поэтъ не могъ добиться никакого толку изъ всей этой исторіи и печальная бабушка проводила всю свою жизнь, ожидая посѣщенія своего любимца, подкарауливая его на улицѣ, когда онъ выходилъ съ лакеемъ и этими мимолетными взглядами, этими поцѣлуями, которыми она надѣялась его украдкой, она еще болѣе увеличивала свою материнскую страсть, не удовлетворяя ее никогда.

Между тѣмъ Ирма Салле — все съ помощью ребенка — пролагала себѣ путь къ сердцу отца. Теперь она была во главѣ дома, принимала, задавала пиры, устраивалась, какъ женщина, намѣревающаяся остаться. Все-таки она старалась иногда говорить маленькому виконту при отцѣ: — „ты помнишь ли курочекъ дѣдушки Салле? Не хочешь ли вернуться къ нимъ?“ И этой вѣчной угрозой отъѣзда, она окончательно обезпечивала за собой замужество.

Ей понадобилось пять лѣтъ, чтобы сдѣлаться графиней, но все-таки она сдѣлалась ею наконецъ... Однажды поэтъ, дрожа, пришелъ объявить своей матери, что онъ рѣшился жениться на своей любовницѣ и старушка, вмѣсто того чтобы разразиться негодованіемъ, привѣтствовала это бѣдствіе какъ избавленіе, видя въ этомъ бракѣ только возможность вернуться къ своему сыну и свободно любить своего маленькаго Роберта. Въ дѣйствительности только одна бабушка наслаждалась медовымъ мѣсяцемъ. Д'Атису захотѣлось на время удалиться изъ Парижа послѣ своей выходки. Онъ чувствовалъ себя стѣсненнымъ. И такъ какъ ребенокъ, цѣпляющійся за юбки матери, ворочалъ всѣмъ домомъ, то всѣ поселились на родинѣ Ирмы, рядомъ съ курочками отца Салле. Трудно было вообразить себѣ болѣе оригинальную, болѣе разношерстную семью. Баловница бабушка д'Атисъ и дѣдушка Салле встрѣчались каждый вечеръ у кровати ихъ внука. Старый браконьеръ, не выпуская изо рта своей короткой черненькой трубочки и прежняя лектриса королевы Маріи-Амалии съ ея напудренными волосами и важнымъ видомъ смотрѣли вмѣстѣ на прелестнаго ребенка, который валился передъ ними на коврѣ и равно любовался имъ оба. Одна привозила ему изъ Парижа всѣ новыя игрушки, самыя дорогія и блестящія; другой — дѣлала ему превосходныя свистки изъ вѣтокъ бузины, и... маленькій принцъ улыбался!

Въ сущности изъ всѣхъ этихъ существъ, сгруппированныхъ какъ бы насильственно у одной колыбели одинъ только Шарль д'Атисъ былъ дѣйствительно несчастенъ. Его изящное и аристократическое вдохновеніе пострадало отъ этой жизни въ глуши лѣса, какъ тѣ избѣженныя парижанки, для которыхъ деревенскій воздухъ слишкомъ силенъ и соченъ. Онъ болѣе не работалъ и вдали отъ этого ужаснаго Парижа, который такъ быстро запираетъ свои двери для отсутствующихъ, онъ чувствовалъ себя почти позабытымъ. Къ счастью, ребенокъ былъ

тутъ, а когда ребенокъ улыбался, то отецъ переставалъ думать и объ успѣхахъ своей поэтической карьеры и о прошедшемъ Ирмы Салле.

Можетъ быть, вы захотите узнать развязку этой странной драмы? прочтите этотъ билетъ съ черной каймой, который я получилъ нѣсколько дней тому назадъ и который является какъ бы послѣдней страницей этого приключенія изъ парижской жизни.

„Графъ и графиня д'Атисъ съ душевнымъ прискорбіемъ извѣщаютъ васъ о кончинѣ ихъ сына Роберта“.

Несчастные! Я вижу, какъ они стоятъ всѣ четверо, переглядываясь между собой передъ этой пустой колыбелью!

(Окончаніе будетъ).

Очерки изъ воспоминаній русскаго волонтера въ сербскихъ войскахъ.

(17-ое октября).

Сѣро и хмурно было утро 17-го октября. Холодная сырость заставляла дрожать каждую фибру моего тѣла, какъ-бы въ сильномъ лихорадочномъ пароксизмѣ. Когда я проснулся, было еще темно, костеръ, разложенный съ вечера въ баракѣ, погухъ и на его мѣстѣ только тлѣла кучка горячаго жара, подернутаго, какъ флеромъ, тонкимъ слоемъ сквозившаго пепла.

Я осторожно пробрался къ огню, шагая черезъ спящихъ въ повалку, на голой землѣ, русскихъ добровольцевъ; обшарилъ въ темнотѣ знакомый уголокъ, въ который обыкновенно складывался запасъ сухаго хвороста, досталъ оттуда нѣсколько вѣтокъ и сухихъ прутьевъ, и бросилъ ихъ на костеръ. Трещя и стибаясь загорѣлись дрова и мало по малу освѣтили нашъ баракъ.

Сколько разъ уже я любовался эффектной и вмѣстѣ съ тѣмъ дикой картиной добровольцевъ на ночлегѣ и всякій разъ она мнѣ казалась новою, не повторяющеюся и эффектною, какъ и первая, достойною кисти лучшаго мастера.

Самая разнообразная смѣсь типовъ, профессій, состояній, облеченная въ до безконечности разнообразные и оригинальные костюмы, спала, дрожала, сапѣла и храпѣла на всевозможные лады, раскинувшись или какъ гоголевскій запорожецъ или обнявшись и прижавшись другъ къ другу, какъ неразлучные друзья съ дѣтства.

Рядомъ съ безбородой и безусой головкой шестнадцати-лѣтняго юнца, съ мягкими почти женственными чертами слегка уже загорѣвшаго лица, храпѣла и скрипѣла зубами бородастая, скулистая, лоснящаяся физія геркулеса унтера, повидаваго уже виды на своемъ вѣку и напыхавшагося пороку и подъ „Сильвестріей“ и подъ „Карцомъ“ и въ другихъ „бояхъ ужасныхъ“.

Почти въ самомъ огнѣ торчала пара широкихъ, нечерненыхъ ошейей со свѣтящимися въ подошвѣ широкими шляпками желѣзныхъ гвоздей. Эти ошай принадлежали молодому парню, вытянувшемуся во весь ростъ, такъ что курчавая голова его, покоившаяся на кожаномъ ранцѣ, была почти у самыхъ дверей. „Не пройметъ, говорилъ онъ, укладываясь съ вечера и укутываясь въ длинный пушистый романовскій полушубокъ, но ночью разметался, полушубокъ распахнулся и теперь холодныя струи утренняго вѣтра свободно скользили по обнаженной груди, надувая пузырькомъ красную кумачевую рубаху и легонько шевеля на лбу пряди черныхъ кудрей. Лице его посинѣло отъ холода, онъ весь дрожалъ, какъ осиновый листъ, и что-то бредилъ сквозь зубы. Невдалекѣ двигалось какое-то живое существо, завернутое въ красное байковое одѣяло, немилосердно толкавшее сладко спавшаго на жестяномъ котелѣ воина, съ синими очками на носу и съ пестрымъ пледомъ на жиденькомъ тѣлѣ. Тамъ и сямъ торчали го-

ловы въ сербскихъ капахъ *) и ноги обутыя въ потертыя опаньбы **). Обладатели ихъ, ежась одинъ къ другому, храпѣли и дрожали въ однихъ военныхъ сербскихъ курткахъ.

Косыя стѣны барака были увѣшаны котелками, тыквами съ водой, револьверами, патронташами и разными узелками; тутъ-же торчали концы штыковъ съ воткнутыми кусками хлѣба и стволы ружей....

Я вышелъ изъ барака. Уже начинало свѣтать. Коморджіи ***) зашевелились около своихъ иа-лашей, подсыпая своимъ маленькимъ, но выносливымъ лошадямъ кукурузы. Окружающія горы были подернуты мглой, сквозь которую сквозили напозающія на сосѣднія вершины темныя облака. Внизу, на долинѣ, стоялъ туманъ, и турецкая батарея, хорошо видимая днемъ съ нашей позиціи, скрылась. Я замѣтилъ, что въ офицерскомъ баракѣ уже не спали и оттуда выходили разныя фигуры....

Одна изъ нихъ направилась къ нашему бараку; я узналъ нашего баталіоннаго адъютанта.

— Кто дневальнымъ во второй ротѣ? спросилъ онъ, обращаясь къ часовому, ходившему тутъ-же около ружей.

Я подошелъ.

— Вы? обратился онъ ко мнѣ.

— Да.

— Пошлите скорѣй фельдфебеля къ баталіонному командиру.

Я пошелъ, растолкалъ фельдфебеля и передалъ приказаніе. Онъ поежился, поморщился, протеръ глаза и побѣжалъ къ командиру. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вернулся и заоравъ во все горло: „вторая рота въ ружье!“ немилосердно принялся расталкивать спавшихъ солдатъ. Вскорѣ все зашевелилось и заходило въ баракѣ. Со всѣхъ сторонъ слышались разныя мнѣнія и замѣчанія по поводу тревоги, приправляемые русскою руганью и остротами сальнаго характера. Всѣ суетились, послѣшно застегивая потронташи, напяливая шинели, завертываясь въ пледы и одѣяла, раскуривая трубки и пробуя ружейные замки.

— Становись, становись! покрикивалъ фельдфебелъ, толкая непрокухавшихся еще солдатъ въ шеренги.

— Ладно, поспѣемъ, не за горами, говорилъ одинъ изъ нихъ, какъ-то снисходительно глядя на тѣ мѣста, гдѣ занимали турки позицію.

— Чего поспѣешь? Аль тебя ждять будутъ?

— Ну, и пождешь, не уйдетъ еще.

— Да кто не уйдетъ-то, умная голова?

— Турокъ, говорю, не уйдѣтъ!

— Дуракъ ты, братецъ, вотъ что, окромя этого слова къ тебѣ другаго и приложить нельзя, хоша ты и старый солдатъ, замѣтилъ ему соседъ, укладывая и считая патроны.

— Ты что лаешься-тоспозоранку; наругаешься еще, постой, день-то великъ.

— Великъ, да можетъ не для всякого... смотри какую кашу заварять.

— А то, вишь ты его, ушелъ. Это турка-то ушелъ? Онъ теперь, другъ любезный, всю силу противъ насъ средоточилъ, многозначительно замѣтилъ возражавшій, указывая глазами на долину, съ которой поднявшійся вѣтеръ разсѣялъ уже туманъ.

— Средоточилъ!.... тоже разсужденіе имѣть, въ политику носъ суетъ. Ты вотъ патроны-то считаешь, а поди чай все въ небо стрѣляешь? Туда можно безъ счета, только пали... средоточилъ!.... и мы братъ не похуже вашего политичныя слова-то знаемъ....

— Знаешь!... а вотъ зажмура глаза не стрѣляй, да другихъ не учи.

— Я то? зажмура?

— Да, рядомъ чай, въ одномъ звенѣ одинадцатаго были, насмотрѣлся.

Въ рядахъ слышенъ хохотъ и на злополучнаго резонера посыпались со всѣхъ сторонъ остроты и шутки.

— Турка-то въ мысляхъ имѣть, значить и не смотря можно!

*) военная шапка.

**) кожаные лапти.

***) въ родѣ нашихъ интендантскихъ служителей.

— Въ придумку лупить!

— Чай страшно, какъ изъ стволина-то гро-
мыхнетъ!

— Конфузится!

— Стрѣлокъ первый сортъ. Вонъ и теперь,
глядя ребята, даромъ что ружье на плечѣ, а
курокъ взведенъ...

— Приготовился, значить! сичасъ цѣлить ста-
нетъ! Ай, да Захарычъ, ай да воинъ...

Смущенный Захарычъ торопливо спустил
курокъ и началъ оправдываться, крестясь и
божась.

— Не вѣрьте, други! вретъ онъ корга старая,
вишь пыхтитъ, что машина, радъ что трубка
велика, да дувану *) удалось выпыганить у сер-
біянина...

— А ты не ври, стрѣлецъ искусственный,
да къ табаку не подмазывайся; видимъ куда
цѣлишь...

— Свой, слава-те Господи, есть; твоего не по-
просимъ, а стрѣляемъ-то не впримѣръ лучше
твоего; и въ умъ не возьму, какъ закрымши
глаза стрѣлять. Когда мы въ 63 году-то окру-
жили.....

— Ну, ну, знаемъ! такъ тебѣ баба вилами
бокъ прободала, а по твоему вышло, что пуля
пробила.... Опять смѣхъ между рядами.

— Смирно! раздалась команда. Ровняйся!

Въ это время прогремѣлъ первый выстрѣлъ
съ турецкой батареи.

— Начали, шептали солдаты, крестясь.

— Вотъ-те и ушли, самодовольно замѣтилъ
„пущавшійся въ политику“.

— Всѣ тутъ, проклятые, въ лѣсу. Чертъ ихъ
не взять.

— Съ просыпу-то плохо цѣлятъ, замѣчали
нѣкоторые на свистѣвшія гранаты и съ трес-
комъ лопавшіяся на вершинѣ Дюниша.

Въ долину началась ружейная перестрѣлка,
усиливавшаяся съ каждой минутой.

Короткіе звуки ружейныхъ выстрѣловъ были
похожи на удары топоровъ сотни дровосѣковъ,
валявшихъ въ повалку старый лѣсъ.

Бѣлыя змѣйки порохового дыма потянулись
изъ молодаго дубника.

— Цѣль-то сербіяне занимаютъ? спросилъ
кто-то.

— И нашъ одинъ баталіонъ тамъ....

— Жаркое будетъ дѣло...

— Только не зѣвай!..

— Господи Иисусе Христе, помилуй насъ
грѣшныхъ, слышалась въ рядахъ молитва.

— На право! Ружья вольно! Лѣвое плечо впе-
редь—шагомъ—маршъ!.. Ружья на крауль!..

Мы проходили мимо бригаднаго командира
Меженинова. Онъ поздоровался съ нами, по-
просилъ стоять грудью и перекрестилъ насъ.

Отвѣтивъ дружнымъ „ура“ и „рады ста-
раться“, мы стали спускаться съ Дюниша.

Наши батареи дружно отвѣчали на турецкіе
залпы; надъ нашими головами то и дѣло со
свистомъ проносились гранаты, съ трескомъ
бороздившія гору. Внизу стояло цѣлое облако
порохового дыма; по дорогѣ взадъ и впередъ
скакали адъютанты и тянулись коморджи, со
своими лошаженками, на спинѣ которыхъ ви-
сѣли ящики съ патронами; скрипѣли тяжелыя
колы съ гранатами; быки то и дѣло останав-
ливались и бросались въ сторону, пугаясь ло-
пающихся вокругъ гранатъ. Насъ торопили.

Когда мы спустились въ долину и пошли лѣ-
сомъ, ружейная и пушечная пальба какъ будто
отдалилась, но когда мы вышли на просѣку,
ружейная трескотня была слышна совсѣмъ яс-
ственно. Намъ командовали ружья на пере-
вѣсъ и велѣли пригнуться: на право, не далѣе
какъ въ двухъ тысячахъ метровъ стояла турец-
кая батарея, съ которой насъ могли замѣтить.

Но предостереженіе было напрасно: мы не ус-
пѣли сдѣлать и пятидесяти шаговъ по откры-
тому мѣсту, какъ изъ турецкихъ орудій блес-
нулъ огонь и насъ оглушилъ пушечный залпъ.

Баталіонъ прилегъ.

Гранаты со свистомъ пролетѣли надъ самыми
головами и съ глухимъ трескомъ лопнули ша-
гахъ въ пятидесяти отъ насъ.

*) Табакъ.

— Этакъ-то не страшно, замѣтилъ кто-то въ
рядахъ.

— Пусть себѣ свистятъ, проговорилъ другой.

— Веселѣе идти.

— Ухъ, свищу, свищу, свищу—налечу такъ
не спущу!..

— Бѣгомъ маршъ! командовалъ баталіонный.

— Бѣгомъ маршъ! повторили ротные.

Мы побѣжали, придерживая руками тяжелые
патронташи.

Еще и еще залпъ. Опять и опять загремѣли,
лопаясь, гранаты и засвистѣли въ воздухъ и
пожелтѣвшихъ листьяхъ сосѣдняго кустарника
тяжелые осколки, но опять также безвредно
для насъ, какъ и въ первый разъ.

Солдаты острили и подсмѣивались, бѣжа въ
припрыжку. Нѣкоторые ругались:

— Дернула его нелегкая „бѣгомъ“, дошли бы
и шагомъ; пусть-бы потѣшился въ волю; по-
роху-то видно много, не жалко... Ишь ты, его,
ишь-ты... Джжи да джжи, бухъ да бухъ, право
дурачье, только смѣхъ. Ухъ, умаляея, ухъ ты
Господи, у-ухъ! бѣги ему... сапѣлъ и отдувался
грузный усатый унтеръ, прозванный ротою гар-
низоннымъ пузомъ...

Мы опять вбѣжали въ лѣсъ и пошли шагомъ,
чтобы перевести немного духъ. Батарея, поте-
рявшая насъ изъ виду, перестала насъ оглу-
шать своими залпами.

Ружейные выстрѣлы раздавались уже не вла-
дѣлѣ и изрѣдка слышалось въ лѣсу визжаніе
шальной пули, какъ называли ее солдаты.

— Живѣй, живѣй, ребята! раздался крикъ под-
скакавшаго офицера съ той стороны, гдѣ была пе-
рестрѣлка... выручайте шанцы, отстойте батарею!

Мы опять побѣжали.

Всбѣжавъ на пригорокъ, мы увидѣли, что
сербы бросили шанцы и нестройно разсыпались
по лѣсу. Турокъ нигдѣ не было видно, хотя
выстрѣлы раздавались со всѣхъ сторонъ; въ
кустахъ мелькали то и дѣло дымки и пули на-
чали уже сильно посвистывать возлѣ нашихъ
ушей. Мы бросились въ шанцы и легли. Пули
безпрестанно визжали, шлентались въ насыпь и
осыпали насъ землею. Мы не стрѣляли. Сол-
даты въ недоумѣніи спрашивали, въ которой
сторонѣ турки, такъ какъ выстрѣлы раздава-
лись съ трехъ сторонъ и мы могли по ошибкѣ
стрѣлять по своимъ.

— Турки на лѣво! крикнулъ кто-то. Мы
стали стрѣлять на лѣво, цѣля въ мелькавшіе
дымки, а немного погодя и въ изрѣдка высо-
вывающуюся изъ кустовъ красную феску. Турки
обходили насъ во флангъ, стрѣляя вдоль по
шанцамъ. У насъ было уже много убитыхъ и
раненныхъ.

У меня едва не вырвала изъ рукъ ружья
вполнѣ шальная пуля, ударившая въ штыкъ
въ то время, когда я задвигалъ затворъ. У со-
сѣда было разбито пулей цѣвье. Мы стрѣляли
часто насколько это позволяли наши ползар-
жавѣвшія ружья Грина.

Турецкій огонь становился невыносимымъ;
цѣля вдоль шанцевъ, они дѣлали мало прома-
ховъ. Раненныхъ и убитыхъ, насколько помню,
изъ шанцевъ не выносили, каждый отстрѣли-
вался и не хотѣлъ выходить. Вдругъ, кто-то
крикнулъ: — Турки!

Я взглянулъ на лѣво: на небольшой приго-
рокъ, шагахъ въ пятидесяти отъ насъ высо-
чило до сотни турокъ и открыли убійственный
огонь, цѣлясь чуть не въ упоръ. Намъ прихо-
дилось стрѣлять влѣво, черезъ головы своихъ
товарищей. Мы выскочили изъ шанцевъ и по-
бѣжали. За шанцами было небольшое открытое
возвышеніе, пробѣгая по которому мы служили
туркамъ превосходной мишенью. Баталіонъ нашъ
рѣдѣлъ съ каждой минутой. Зайдя за приго-
рокъ, мы начали по немногу отстрѣливаться.

Я, заряжая ружье въ торопяхъ, нечаянно по-
палъ въ глиняный оврагъ, изъ котораго съ тру-
домъ выбрался. Поднявшись на окраину, я уви-
дѣлъ возлѣ себя молодаго русскаго офицера,
изъ бѣжавшаго прежде сербскаго баталіона.

Возлѣ него стояло нѣсколько нашихъ солдатъ,
стрѣлявшихъ въ наступающихъ Турокъ. Глу-
хое „алла, алла“, слышалось все ближе и силь-
нѣе; красныя фески и синіе мундиры турокъ

то и дѣло мелькали между сосѣдними кустами.
Мы начали отступать далѣе.

— Пстойте, сказалъ офицеръ, — тамъ дер-
жится еще ваша первая рота; можетъ быть....
Бѣдняга не договорилъ и упалъ съ раздроблен-
нымъ черепомъ, обрызгавъ меня своею кровью.
Я и трое солдатъ подхватили его и понесли.
Не прошли мы и десяти шаговъ, какъ другая
пуля повалила одного изъ несшихъ солдатъ,
ударивъ его въ спину на вылетъ въ грудь.

Мы бросили мертваго офицера и подхватили
раненаго солдата, просившаго съ кровью на
губахъ не оставлять его туркамъ; но и этого
намъ не удалось унести, новая пуля и новая
жертва... Тащившій рядомъ со мною солдатъ
упалъ, прострѣленный въ ногу. Турецкіе голоса
позади слышались недалеко. Вокругъ стонали,
плавая въ крови, раненые. Рядомъ съ нами
вели контуженнаго и раненаго командира пер-
вой роты, Скалозубова. Онъ шелъ съ револь-
веромъ въ рукѣ, готовый на все... Не мѣшкая
ни минуты, мы подхватили подъ руки легко
раненаго въ ногу солдата и пошли далѣе въ
лѣсъ, предоставивъ другихъ раненыхъ *чело-
вѣколюбью* турокъ. Мы отступали, направляясь
къ Дюнишу. Судя по ружейному огню, можно
было заключить, что турки наступали со всѣхъ
сторонъ неразрывной цѣпью. Вскорѣ мы смѣ-
шались съ разбитыми сербскими и русскими ба-
тальонами, шедшими также на высоты Дюниша.

Большая половина солдатъ была занята ране-
ными: несли на ружьяхъ, шинеляхъ и просто
на рукахъ. На лицахъ у всѣхъ было написано
страхъ и уныніе. Почти до самой подошвы Дю-
ниша возлѣ ушей нашихъ свистали турецкія
пули, настигая новыя жертвы. Взбираясь на го-
ру, мы увидѣли, что нижній люнетъ занялъ
сербскій баталіонъ: частый рядъ штыковъ тор-
чалъ изъ за брустверовъ. Насъ расположили
въ верхнихъ шанцахъ; здѣсь уже не существо-
вало ни батальоновъ, ни ротъ; все было пере-
мѣшано: русскіе, сербы, болгары и черногор-
цы. Команды никакой не было; командовалъ
всякій подходившій офицеръ, даже всякій унтеръ-
офицеръ, или юнкеръ, болѣе или менѣе не под-
давшійся общей паникѣ. Теперь насъ оглушалъ
грохотъ лопавшихся бомбъ. Наши батареи едва
въ силахъ были отвѣчать двумя выстрѣлами на
десять турецкихъ гранатъ. Осколки лопавшихся
снарядовъ, какъ шмели, разрѣзали воздухъ во
всѣхъ направленіяхъ. Въ шанцахъ всѣ молча-
ли; не слышно было ни одного замѣчанія, ни
одного слова, всѣ были утомлены нравственно
и физически...

Къ намъ подбѣжали съ нѣсколькими ящи-
ками патроновъ каморджи, усердно кланяв-
шіеся всякой гранатѣ. Прежде, помню, это вы-
зывало дружный взрывъ хохота и цѣлую тучу
остротъ и насмѣшекъ. Теперь же ни у кого не
видно было и улыбки.

Я сидѣлъ рядомъ съ однимъ сербомъ, ко-
торый трясея какъ въ лихорадкѣ и пугливо
посматривалъ въ ту сторону, съ которой ожи-
дали турокъ.

Въ шанцахъ стояла дождевая вода, проса-
чивавшаяся въ мои стоптанныя, промокшіе са-
поги. Утромъ мнѣ было даже жарко; теперь я
чувствовалъ сильный ознобъ, ноги окоченѣли....

Около часу просидѣли мы молча.

Какъ дневальный, я не спалъ всю прошлую
ночь и меня начала клонить дремота. Я за-
былся и задремалъ минутъ на десять. Когда я
очнулся, пушечная кононада начинала утихать
и гранаты падали къ намъ рѣже и рѣже....

Я взглянулъ на долину. Изъ молодаго дубо-
ваго лѣсу, окаймлявшаго высоты Дюниша, по-
казалась турецкая цѣпь, наступавшая съ фронта
и съ лѣваго фланга на нашъ нижній люнетъ...
Батарея встрѣтила ихъ залпомъ картечи. Турки
продолжали наступать, заходя съ лѣвой сто-
роны. Завязалась ружейная перестрѣлка между
засѣвшимъ въ шанцахъ сербскимъ батальономъ
и наступавшею цѣпью.

Верхнія батареи, давъ нѣсколько залповъ,
снялись. Черезъ нѣсколько минутъ сербскій ба-
тальонъ бѣжалъ уже изъ шанцевъ, оставивъ
неприятелю батарею въ двѣнадцать орудій. Мы

КАРТИННАЯ ГАЛЛЕРЕЯ „ПЧЕЛЫ“.

Съ эскизовъ покойнаго профессора Т. А. Неффа.

не хотѣли давать своихъ коней при такой ужасной распутицѣ—и не совѣмъ безопасныхъ дорогахъ. Мы уже хотѣли было пока оставить Мадридъ въ покоѣ и пробраться сперва морскимъ берегомъ къ югу; но одинъ купецъ—нѣмецъ, которому тоже до зарѣзу нужно было попасть въ Мадридъ, посовѣтывалъ намъ отправиться другою дорогою; правда, она давнымъ давно была брошена, и по ней приходилось дать не малаго крюку, но все-же въ настоящую минуту, она была лучше проѣзжей дороги. Этому купцу мы, вообще, многимъ обязаны: не выручи онъ насъ деньгами, — сидѣли-бы мы, какъ раки на мели, потому что въ Марселѣ мы перевели всѣ свои письма на Мадридъ, и не воображали, что такъ долго замѣшкаемся въ дорогѣ. И такъ, наконецъ, выбрались мы изъ Валенсіи; ѣхали день, ѣхали ночь, ѣхали еще одинъ день и доѣхали до какой-то несчастной деревушки, гдѣ приходилось мѣнять дилижансъ; по ни кругомъ, ни около не замѣтно было ни малѣйшихъ слѣдовъ дилижанса, вѣрно, тоже застряли гдѣ по дорогѣ. Насъ утѣшили здѣсь, сказавши, что, видно, намъ придется передневать и переночевать, такъ какъ опаздываніе на 24 часа случается здѣсь сплошь да рядомъ. Все такъ и было, какъ по писанному. Деревушка эта называется Альбацете. На канунъ еще выпалъ снѣгъ и стужа стояла невыносимая, поэтому я, по крайней мѣрѣ не сохранилъ въ душѣ своей пріятныхъ воспоминаній объ этихъ 24 часахъ; здѣсь не принимаютъ никакихъ мѣръ противъ холода и мы просидѣли почти все время у камина, гогоча отъ мороза, какъ гуси; съ одного боку мы чуть не сжарились, съ другого совершенно замерли. Наконецъ на другой день, или, вѣрнѣе, вечеръ прибылъ давно жданный дилижансъ; земля замерзла съ колеями въ цѣлый футъ, лошаки надрывались и все таки тащились шагомъ, падали, спотыкались каждую минуту, — ужасная, мучительная ѣзда! Погода немножко разгулялась, показалось солнце огненнымъ шаромъ на краю необозримой равнины и закатилось въ послѣдній разъ въ старомъ году—это былъ канунъ новаго года. Тутъ съ нами произошла маленькая неожиданность. Гаклендеръ, которому нездоровилось уже нѣсколько дней, объявилъ наконецъ часовъ около 11 ночи, что онъ не въ состояніи больше переносить эти ужасные толчки, и поэтому сойдетъ въ ближайшей деревнѣ и переночуетъ, а потомъ уже доберется до Мадрида какимъ-нибудь способомъ. Понятно, что я остался съ нимъ. Мы поручили свои сундуки архитектору Лейнсъ, который присоединился къ намъ еще въ Барселонѣ, и сошли на слѣдующей станціи въ половинѣ двѣнадцатаго ночи; достучались въ гостиницѣ и одиноко встрѣтили новый годъ, сидя передъ плохимъ-каминомъ съ чашкой шоколада въ рукахъ, который здѣсь преросходно подается всюду, даже въ самой дрянной деревушкѣ. Гаклендеръ намѣревался еще въ Альбацетѣ проспать всю ночь и поэтому подробно распросилъ о другой дорогѣ, которой мы и рѣшились воспользоваться завтра.

На другой день, выпавшись, онъ совершенно оправился, мы наняли себѣ повозку, запряженную однимъ лошакомъ и покатали по Ла-Манхѣ, мѣсту похороненій Донъ-Кихота. Передъ нами развернулася страшно-безконечная равнина, кругомъ ни деревца, ни кустика, и только нѣсколько жалкихъ деревушекъ разбросано тамъ и сямъ, на 4—6 миль одна отъ другой. Не проѣхали и часа, какъ вдругъ трахъ! и великій потѣхъ, умный художникъ, грязный цыганъ и лошаки—все это перемѣшалось. Никто изъ насъ, однако, не ушибся, и мы со смѣхомъ принялись подымать свою повозку; прежде всего вытащили лошака и кнутомъ привели его въ чувство: онъ застрялъ въ оглобляхъ и лежалъ, какъ мертвый. Почва была такая неровная, что мы только время отъ времени садились на какихъ-нибудь полчаса, а то большей частью шли пѣшкомъ, да это было и гораздо пріятнѣе при сильномъ холодѣ и рѣзкомъ вѣтрѣ. Наконецъ поздней ночью добрались мы до деревни и остановились въ позадѣ. Здѣсь намъ въ первый разъ пришлось видѣть Фанданго; мы чувство-

вали себя хорошо и свободно среди простаго люда, толпы погонщиковъ и цыганъ, расположившихся вокругъ пылаваго огня; и чувство это вполне понятно.—Мы потеряли всякую охоту ѣхать, или вѣрнѣе, идти пѣшкомъ, и наняли поэтому у трактирщика двухъ лошаковъ; сѣли на нихъ на другой день раннимъ утромъ, закутались въ испанскіе плащи, купленные еще въ Валенсіи, нахлобучили свои сомбреро и выѣхали, въ сопровожденіи цыгана, въ необозримую равнину. У каждаго висѣла на сѣдлѣ длинная винтовка, и за поясомъ торчалъ длиннѣйшій ножъ; этимъ снабдилъ насъ трактирщикъ и мы возвратили ему все это черезъ цыгана. Весь первый день мы ѣхали безостановочно, слѣзая съ лошаковъ на какихъ-нибудь десять минутъ, чтобы съѣсть кусочекъ хлѣба, взятаго нами съ собою, и выпить глотокъ вина изъ кожаной фляжки, висѣвшей на моемъ сѣдлѣ; и ни разу во весь день не встрѣтилось намъ ни одной деревушки; тамъ и сямъ развалины какого-нибудь дома, и то все только „мѣстность, голая мѣстность“. Наконецъ позднимъ вечеромъ показалось жалкое гнѣздо, Campo de Criptana, гдѣ мы отлично пообедали и выспались. На другое утро, въ половинѣ седьмого, мы были уже опять верхомъ; погода стояла дрянная; передъ нами все еще та же необозримая равнина, дулъ холодный непріятный вѣтеръ, дождь падалъ горизонтально, внизу непріятно шуршала длинная трава; сдѣлалась страшная распутица. Прижавши подбородокъ и склонивши головы немножко на сторону, чтобы какъ-нибудь защититься отъ дождя, мы продолжали безостановочно свое трюхъ, трюхъ, трюхъ, до часу. Тутъ мы отдохнули съ полчаса; поѣли сами и дали вздохнуть лошакамъ, у которыхъ не разъ уже подкашивались ноги; кавалькада началась снова. Намъ нужно было, во чтобы то ни стало, сегодня же доѣхать до Tembleque, до которой дошла уже Мадридская желѣзная дорога; намъ сказали навѣрное, что вечеромъ, въ половинѣ восьмого, идетъ еще одинъ поѣздъ въ Мадридъ. Становилось все темнѣе, животныя все больше утомлялись; еще съ трехъ часовъ пополудни мы увидѣли передъ собою мѣсто нашего назначенія и, несмотря на самую быструю ѣзду, все еще никакъ не могли добраться,—такъ обманчивы разстоянія на этихъ большихъ равнинахъ. Въ темнотѣ ужасно трудно было разбирать дорогу и я три раза сваливался въ ровъ, вмѣстѣ съ своимъ лошакомъ, но ни разу не ушибся; я заранѣе подумалъ о такой возможности и ѣхалъ уже съ часъ безъ стремянъ, и поэтому, при каждомъ паденіи, тотчасъ становился на свои собственные ноги; Гаклендеръ ѣхалъ позади меня и все время бранился и ругался, что его проклятая скотина то и дѣло падаетъ на колѣни;—но такъ какъ всякое страданіе имѣетъ свой предѣлъ, то и мы въ концѣ концовъ добрались до Tembleque, въ восьмомъ часу. Смертельно усталые слѣзли мы съ лошаковъ и разразились хохотомъ, глядя другъ на друга: послѣ двѣнадцати часовой ѣзды, мы почти не могли двинуть ногами; вдобавокъ насъ забрызгало грязью до самыхъ глазъ и съ одной стороны мы были сухи, а съ другой промочены до костей и черны какъ уголь. Но самое лучшее—не было больше пассажирскаго поѣзда. Мы кричали и бранились, и Гаклендеръ увѣрялъ, что везетъ самая важная депеша въ англійское посольство,—все напрасно; мы должны были здѣсь переночевать, что собственно для насъ было очень хорошо, и выѣхали на другой день утромъ въ пять, а въ 8 были въ Мадридѣ.

Нахожу, что тутъ не хорошо: холодно, дурная погода, дороговизна. До сихъ поръ побывалъ еще только въ галереѣ и арсеналѣ, и то и другое выше всякаго описанія; въ галереѣ особенно замѣчательно собраніе картинъ Веласкеза и Мурильо, замѣчательно и по своей красотѣ и по числу. Осмотрѣвъ всѣ достопримѣчательности, мы устремимся на югъ; вообще я радъ, что скоро уѣду изъ Испаніи. Работать нельзя, то за дождемъ, то за холодомъ, а сидѣть почти сложа руки — слишкомъ дорого; а мнѣ хотѣлось бы сберечь еще кое что и для Алжира; на ѣду и питье выходитъ еще немного,

но на все другое: квартира, почта, портныхъ и сапожниковъ—просто ужасъ; хорошо, что насъ трое: этимъ значительно сокращается расходъ. Въ нѣкоторыхъ домахъ, куда мнѣ дали рекомендательныя письма, меня приняли очень вѣжливо и радушно; вообще всѣ, съ кѣмъ мы имѣли случай здѣсь познакомиться, оказывались очень услужливыми и добрыми людьми.

Мадридъ не такъ красивъ, какъ я думалъ; архитектуры никакой, одежда и нравы—безвкусица и мѣшанина: испанскіе остатки на французской модной подкладкѣ.

Живописцу нечего и ѣхать въ Мадридъ, если не припасено у него лишнихъ денегъ года на два.—Передайте мамѣ, съ массой поклоновъ и поцѣлуевъ, что-бы она обо мнѣ не беспокоилась: ничего мнѣ не сдѣлается, я очень остороженъ...

Гренада, 4 февраля 1854 г.

Дорогой папа! Въ предпоследній день нашего пребыванія въ Мадридѣ, я увидалъ его съ его хорошей стороны; послѣ долгаго ненастья, наступила наконецъ восхитительная погода и это было, какъ разъ, день св. Антонія, въ который тамъ происходитъ странная церемонія: всѣ лошади, мулы, ослы и даже собаки, однимъ словомъ все, что собирается передъ церковью, благословляется и кропится святой водой; сверхъ того, каждый еще приноситъ съ собою мѣшокъ съ кормомъ и хлѣбецъ, и это тоже благословляется и хранится потомъ у хозяина какъ лекарство для скотины. Масса лошадей, тянувшихся вдоль всей длинной улицы до церкви, была ужасная, и при этомъ невообразимо яркая толпа людей, точно въ какой сказкѣ. Замѣчательно, что не только простой людъ ведетъ своего мула или лошади, но встрѣчаются и прекрасные экипажи, съ сидящими въ нихъ изящными кавалерами и дамами, рядомъ съ какой-нибудь несчастнѣйшей повозкой, всадники на красивыхъ англійскихъ или андалузскихъ лошадяхъ среди мужиковъ и самого отчаяннаго сброда. Красивѣе всего были богатые андалузскіе крестьяне, галопировавшие на разубранныхъ скакунахъ въ своемъ изумительномъ нарядѣ: вездѣ и всюду болтались кисточки и шелковыя ленты, все было сплошь зашито себромъ, нѣкоторые доводятъ роскошь до крайности: украшаютъ широчайшій нагрудникъ своей лошади маленькими зеркальцами въ оправѣ, не довольствуясь множествомъ всякихъ кистей; гривы расплетены въ обѣ стороны красивыми косами и каждая изъ нихъ оканчивается или бархатной кокардой, или длинными развѣвающимися лентами. Встрѣчались тутъ и дамы на лошадяхъ; одна была просто восхитительна въ своемъ драгоцѣнномъ андалузскомъ костюмѣ. Долго бродили мы здѣсь, но потомъ вспомнили о нѣкоторыхъ необходимыхъ покупкахъ для дороги. Я купилъ себѣ полный костюмъ отчасти потому, что ѣхать верхомъ безопаснѣе, а отчасти по своей суетности; да и въ послѣдствіи онъ мнѣ можетъ пригодиться. Приобрѣлъ я себѣ во-первыхъ: низенькую андалузскую черную шляпу съ шелковымъ платкомъ, который завязывается вокругъ головы, и концы его висятъ сзади; потомъ коричневую куртку съ красными шнурами и серебряными (конечно не настоящими) кисточками; длинный, широкій красный поясъ; короткіе въ полъикры, панталоны, наружный разрѣзъ которыхъ идетъ почти выше колѣна; черныя, бѣлыя и голубыя чулки и крѣпкіе кожаные гамаша до колѣнъ, очень красиво расшитые разными узорами и съ чрезвычайно кокетливо висящими ремешками; на гамашахъ идетъ тоже наружный разрѣзъ; и наконецъ желтовато бѣлый плащъ, съ коричневыми полосками; по просту говоря, кусокъ ткани, въ который можно завернуться во всѣхъ направленіяхъ, какъ въ шотландскій пледъ. И когда я красовался въ такомъ нарядѣ, съ длинной винтовкой у сѣдла, верхомъ на черномъ андалузскомъ скакунѣ, проѣзжая изъ Аранхуеда въ Толедо, и изъ Толедо въ СантаКруцъ, мени принимали Богъ знаетъ за кого; Гаклендеръ

то и дѣло повторяетъ, что можно было бы испугаться этого долговязаго молодца, если бы у него не было такой пріятной, доброй баварской физиономіи.

Итакъ, 19 го сѣли мы на желѣзную дорогу и отправились въ Аранхуецъ, гдѣ пробыли одинъ день; стояла прекраснѣйшая погода, и я бы до сихъ поръ восхищался красивымъ замкомъ и великолѣпными садами, если бы не увидалъ Гренады. На другой день мы сѣли на лошадей и поѣхали въ Толедо, на что требуется, приблизительно, одинъ день; мнѣ достался великолѣпный черный пони, сидѣть на которомъ было просто наслажденіе. Много было смѣху по дорогѣ, потому что нашъ архитекторъ Лейнсъ, но особенно одинъ молодой человекъ, (съ которымъ мы познакомились еще въ Барселонѣ и съѣхались опять въ Мадридѣ), немножко дурно сидѣли на лошадяхъ; особенно послѣдній, при мало мальски быстрой ѣздѣ, принималъ самыя изумительныя позы. Много пришлось иностранцу проглотить ироническихъ замѣчаній: не предчувствуя, что ему придется сдѣлать съ нами такую прогулку, онъ гапелель намъ еще прежде невѣроятныхъ исторій о своемъ искусствѣ въ верховой ѣздѣ. Понятно, это былъ истый сѣверякъ-нѣмецъ—вся-

кій другой человекъ не такъ ловокъ на это.—Вечеромъ мы въѣхали въ ворота Толедо при удивительномъ солнечномъ освѣщеніи; я никогда не видалъ болѣе красивой картины; въ первый разъ еще здѣсь я былъ совершенно доволенъ, потому что нашелъ Толедо именно такимъ, какимъ представлялся онъ мнѣ по исторіи—стремимъ, мрачнымъ городомъ съ совершенно своеобразной виѣшностью. Весь городъ улегся на одномъ высокомъ утесѣ, внизу шумитъ и пѣнится Тахо, огибающій городъ правильной дугой; за рѣкой высятся опять дикія обнаженныя горы, засыпанныя обломками скалъ и валунами. Глядя на Толедо, такъ и думается, что въ немъ еще живутъ Мавры: постройка и устройство домовъ чисто въ восточномъ вкусѣ, однимъ словомъ стоятъ еще все тѣ-же дома, улицы идутъ и вверхъ и внизъ; узки, темны, безлюдны и мрачны; у всѣхъ домовъ такой строгій, меланхолическій видъ, что, по неволѣ, возникаютъ въ воображеніи самыя странныя исторіи, которыя, можетъ быть и въ правду творились здѣсь; а проходя мимо окна съ мелкой арабской рѣшеткой, такъ и кажется, что вотъ сейчасъ въ испугѣ отскочитъ отъ него закутанная женская фигура. Въѣхавши въ городъ, мы стали почти въ тупикъ, какъ отыскать намъ нашу позадю: на улицахъ ни души, кругомъ все тихо и безмолвно, точно какъ будто Мавры сейчасъ оставили городъ, и только по временамъ топотъ нашихъ лошадей привлекалъ кого-нибудь къ окну. Такая тишина и безжизненность царитъ въ большей части Толедо; исключая, конечно, нѣсколькихъ улицъ и площадей, куда вносятся еще жизнь торговлей и промысломъ. Къ сожалѣнію, мы оставались здѣсь всего два дня: при повѣркѣ нашей путевой кассы, оказалось, что наши задержки дурной погодой въ Мадридѣ, Валенсіи и т. д. и наши тягостныя путешествія на лошадяхъ поглотили больше денегъ, чѣмъ было ассигновано на это, и теперь намъ приходится окончательное денежное замѣшательство. Пребываніе въ Мадридѣ обошлось намъ такъ до-

Лазарь Чолокантичъ,

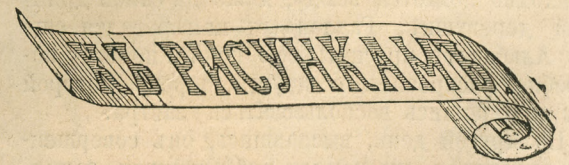
сербскій полковникъ, отличившійся въ послѣдней войнѣ.

рого, какъ мы даже никогда не могли себѣ вообразить, а между тѣмъ ничего не сдѣлали тамъ и никакъ не могли выбраться раньше, по милости ужасно дурной погоды. Каждый мадридецъ соглашается, что въ Лондонѣ жизнь дешевле; а все это происходитъ только отъ безконечной лѣности испанцевъ, которые не даютъ себѣ ни малѣйшаго труда заняться чѣмъ нибудь сами и по этому всякую бездѣлицу принуждены выписывать изъ Парижа; цѣны на квартиры невозможны, сигары—просто хоть не кури; совсѣмъ—бы пришлось жутко, если-бы не подарилъ намъ, или вѣрнѣе Гаклендеру, три ящика австрійскій посланникъ, графъ Эстергази. За дилижансы тоже приходится платить ужасныя цѣны и особенно за поклажу берутся варварскія деньги, вышло бы на одно и тоже, если-бы мы съ собою ровно ничего не брали, а въ каждомъ городѣ обзаводились-бы всѣмъ на novo.—И такъ, на третій день въѣхали мы опять черезъ тѣ-же ворота, собственно только Гаклендеръ и я, а Лейнсъ, нѣсколько охлажденный къ верховой ѣздѣ, предпочелъ вернуться въ Мадридъ, гдѣ хотѣлъ сѣсть въ дилижансъ и догнать насъ въ Байленѣ; онъ снялъ съ насъ большую обузу, забравши съ собою всѣ сундуки, которые, навѣрное, были бы намъ только лишней помѣхой. Наша дорога шла все горами, то вверхъ, то внизъ, проводникъ нашъ ѣхалъ впереди рысью съ крикомъ и пѣніемъ; къ вечеру на брели на жалкую деревушку и въ ней переночевали. И такимъ образомъ пространствовали мы цѣлыхъ четыре дня, безъ всякихъ особыхъ приключеній, по вечерамъ останавливались въ деревушкахъ, а днемъ пили и ѣли въ чистомъ полѣ. На пятый день мы не достали больше лошадей и принуждены были сдѣлать на ослахъ переѣздъ черезъ Сиерра-Морена, восхитительный горный проходъ; я не помню въ Тиролѣ такихъ прекрасныхъ мѣстъ. Много пороку истратилъ я на орловъ, но, благодаря особымъ свойствамъ моей винтовки, всѣ они и до сихъ поръ летаютъ себѣ на здоровье по Испаніи. На шестой день мы достали опять коней и

были въ Байленѣ, а на седьмой сѣли въ дилижансъ и отправились въ Гренаду.—Вотъ мы здѣсь уже четвертый день и все еще никакъ не можемъ опомниться: такъ здѣсь удивительно хорошо. Изъ за одной Альгамбры и Generalife стоитъ проѣхать въ Испанію; мѣстность здѣсь чудесная, погода стоитъ восхитительная и мы теперь вполне вознаграждены за то, что прежде такъ много и долго мокли. Къ сожалѣнію, сегодня погода измѣнилась; я было расположился рисовать цыганское жилье, но закрапалъ дождь и я долженъ былъ убраться; тѣмъ досаднѣе, что первые дни, какъ водится, ушли на осматриванье достопримѣчательностей, а оставаться здѣсь долго мы не можемъ. Шестого мы скачемъ въ Кордову, оттуда въ дилижансъ ѣдемъ въ Севилью, а оттуда опять—на пароходѣ перебираемся въ Кадиксъ. Увидимъ-ли Гибралтаръ это еще большой вопросъ, потому что сумашедшіе испанцы, напуганные прошлогодней лондонскій холерой, до сихъ поръ еще держатъ восьмидневный карантинъ: всѣ, желающіе вернуться изъ Гибралтара въ Испанію должны сначала высидѣть свой срокъ въ отвратительнѣйшемъ помѣщеніи. Все это очень грустно, а для меня въ особенности: въ Алжиръ при-

дется попасть теперь, сдѣлавши чудовищный крюкъ. Франція не подпускаетъ къ африканскимъ берегамъ ни одного парохода, вышедшаго изъ какой-либо испанской гавани; даже и пассажиры парусныхъ судовъ встрѣчаютъ на берегу безконечныя препятствія; конечно, это мнѣ не помѣшало-бы еще сѣсть на какой-нибудь корабль, но они ходятъ здѣсь ужасно рѣдко, да и въ это время года трудно предвидѣть когда и благополучно-ли придутъ они къ мѣсту своего назначенія. Поэтому мнѣ придется, какъ это ни трудно, вернуться съ Гаклендеромъ и Лейнсомъ въ Марсель и оттуда отправиться на пароходѣ въ Алжиръ.

(Продолженіе будетъ).

На развѣдкѣ, съ картины Детайля.

Талантливая картина Детайля изображаетъ одинъ изъ безчисленныхъ эпизодовъ послѣдней франко-прусской войны. На небольшой французскій городокъ напали пруссаки, но послѣ продолжительной и упорной схватки они были съ урономъ отражены. Отойдя на нѣкоторое разстояніе отъ города и собравъ болѣе значительныя силы, они готовятся сдѣлать вторичное нападеніе. Положеніе города становится критическимъ. Помощи ждать не откуда. Городъ быстро пустѣетъ, а оставшіеся жители съ трепетомъ ждутъ кровавой развязки, какъ вдругъ, какъ нельзя болѣе во время, слышатся спасительные звуки трубы, и черезъ нѣсколько минутъ въ густомъ облакѣ пыли показываются французскіе батальоны, а впереди нихъ маленькій отрядъ солдатъ бодро идетъ на развѣдки. „Гдѣ враги?“, „Вотъ тамъ, направо, на дорогѣ, видите какую-то черную точку—это они!“ указываетъ рукою оборванный уличный мальчишка. „Слишкомъ далеко, чертъ возьми!“ ворчитъ съвозъ зубы недовольный сержантъ, неохотно опуская внизъ уже поднятое было ружье. „Смотрите, произноситъ другой, показывая на слѣды только что происходившей битвы—двухъ прусскихъ улановъ,— одного убитаго, а другаго раненаго—смотрите, вѣдь на два человека этого тупоголоваго нѣмецкаго отряда стало меньше.“ „Чтожь, хорошо и это!“ не колеблясь рѣшаютъ его сотоварищи и смѣло подвигаются дальше.